

Григорий Богослов

СТИХОТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА

Григорий Богослов

**Стихотворения святого
Григория Богослова**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Богослов Г. С.

Стихотворения святого Григория Богослова / Г. С. Богослов —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский, вошел в историю Православной церкви как величайший творец христианской литературы. Сочинения святителя Григория – слова, письма, стихи и молитвы – показывают его высокое стремление быть проповедником, достойным истины Христовой. Ему был ниспослан дар слова, и святой хотел принести его в дар Богу – Слову: «Сей дар приношу я Богу моему, сей дар посвящаю Ему: - это одно, что осталось у меня и чем богат я; от всего прочего отказался я по заповеди Духа; всё, что ни имел, променял за драгоценную жемчужину. Только словом владею я, как служитель Слова; никогда добровольно не хотел бы пренебрегать этим богатством, я уважаю его, дорожу им, утешаюсь им более, чем другие утешаются всеми сокровищами мира». Книга «Стихотворения святого Григория Богослова» положит начало изучению великого наследия вселенского отца и учителя.

© Богослов Г. С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Стихи о самом себе, в которых Св. Григорий Богослов скрытым образом поощряет и нас к жизни во Христе	5
Плач о страданиях души своей	14
Жалобы на свои страдания	19
О суетности и неверности жизни и об общем всем конце	21
Плач о собственных своих бедствиях и молитва ко Христу о прекращении жизни	22
К себе самому в вопросах и ответах	23
Молитва ко Христу	24
Сон о храме Анастасии, который Св. Григорием устроен был в Константинополе	25
Увещательное послание к Геллению, о монахах	27
На безмолвие во время поста	32
Песнь Христу после безмолвия в Пасху	35
Мысли, писанные двустихиями	36
Двустихия	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Святитель Григорий Богослов

Стихотворения святого Григория Богослова

Стихи о самом себе, в которых Св. Григорий Богослов скрытым образом поощряет и нас к жизни во Христе

Царь мой, Христос! Ты чистыми дланями служителя Твоего Моисея, крестообразно воздетыми на горе, низложил некогда губительную силу Амалика. Ты простертыми руками Даниила связал во рве страшные пасти львов и ужасные острия их когтей. Через Тебя, молящийся и во утробе зверя простирающий руки Иона, исшел из великого кита; и в ассирийском пламени трех мужественных юношей, как скоро воздвигли они длани, покрыло росоносное облако. Ты сам некогда ходил по кипящему морю, усмирял волны и силу ветров, извлекал из моря обуреваемых ветрами учеников; Ты разрешал от болезней и души, и телесные составы многих; как Бог, принявший на Себя естество человеческое, вступал в общение со смертными. И Богом был Ты от века, человеком же явился нам напоследок, чтобы после того, как Сам Ты стал человеком, меня сделать богом. Будь и ко мне милосердным Богом, Блаженный, и спаси меня! Будь и ко мне милосердным Богом, и прийди к зовущему прийди, милосердый Боже, подай мне руку и спаси меня, который стражду от брани, от зверей, от пламени, от ветров, и на небо только возвожу взоры! Ибо для меня и зверями, и свирепой волной моря, и плачевной бранию, и стремлением палящего огня – всем бывают злые люди, губители моей жизни, люди, которые всего более ненавидят любящих Бога, не боясь суда, угрожающего им впоследствии, не уважая и людей, отвращающихся от злочестивца. От них огради меня, Христе, и милостиво соблюди, покрыв Своими крылами! Удали от служителя Твоего, Царь, обременительные бедствия; да не возмущают ума моего такие заботы, какие мир и царствующий в мире возбуждают в жалких смертных, как ржа железо, уничтожая в них боговидный образ и лучшую часть человека обращая в нечто сродное плоти, чтобы не душа восторгала горе тяготеющую к земле плоть, но плоть низлагала на землю крылатую душу, оплодотворив злосчастную плотскими делами!

Для смертных двое есть врата страшной смерти. Одни источают из сердца мутный поток греха; у них всегда на уме дела вредоносные: плотоугодие, оскорбительная наглость, губительные замыслы; они, возлюбив свою участь и сами себя поощряя на всякое преступление, услаждаются грехом. Другие же чистыми очами ума видят Бога, отвращаются от наглости – этого порождения бесстыдного мира, живут без скорбей под сению плоти, ускоренными стопами попирают землю, с легкостью следуя за зовущим Богом и Духом, и воссияют впоследствии, как тайники сокровенной жизни Царя Христа, когда она явится в мире. Но и они, будучи данниками нужды, искушаются худыми терниями жизни, а злобный демон – враг для немощных смертных – измыслил из этого тысячи жал смерти, часто под благовидной личиной скрывая жалкую пагубу, чтобы уловить противоборствующего; он так же готовит гибельный конец людям, как уда в воде приносит смерть рыбам, которые, желая жизни, но поглощая только собственную свою пагубу, неожиданно привлекают уду в свою внутренность. И ко мне этот коварный, так как знал я, что он тьма, облекшись в прекрасную наружность, приступал в подобии света в надежде, что и я, возлюбивший добродетель, приближусь к пороку, когда и мой легкий ум увлечется в пагубу.

Меня не связало супружество – этот поток жизни, эти узы, тягчайшие из всех, какие налагает на людей вещество, как начало трудов. Меня не пленили прекрасные волны шелковых одежд; не любил я продолжительных трапез, не любил пресыщать прожорливое чрево – эту

погибельную мать плотоугодия; не любил я жить в огромных и великолепных домах; не расслаблял я сердца музыкальными звуками, нежно потрясающими слух; меня не упоило негой роскошное испарение благовонных мазей. И серебро, и золото предоставлял я другим, которые, сидя над несметным богатством, любят предаваться заботам и не много находят для себя услаждения, но много труда. Для меня приятен кусок хлеба, у меня сладкая приправа – соль; а стол приготовлен без трудов, и питье трезвенное – вода. Мое лучшее богатство – Христос, Который непрестанно возносит ум мой ввысь, а не поля, засеянные пшеницею, не прекрасные рощи, не стада волов или тучных овец, не дорогие служители – один со мной род, но отделенный от меня древним мучительством, которое на рожденных одной землею (землею, или Богом) наложило двоякое именование – благородства и рабства, что подтвердил и недобрый закон. Ни к чему не нужны мне ничтожная честь, которая проходит скорее разливающегося дыхания, и скорогибнущая слава; не важно для меня получить от царя награды при Дворе; никогда не обольщало меня желание судейского места, на котором, заседавая величаво, мог бы я высоко поднять вверх брови; не важно для меня иметь могущество в городах или между гражданами, предаваться самым лживым и ничтожным грезам, которые как приходят одна за другой, так и улетают, или хватать руками мимотекущий поток, как нечто твердое, ловить тень и сжимать ее руками, простирать длани к туману и осязать его. Таков человеческий род, таково и человеческое счастье: оно подобно самым неприметным следам корабля, которые нарезаются спереди и исчезают сзади! Одна слава была для меня приятна: отличаться познаниями, какие собрали Восток и Запад, и краса Эллады – Афины; над этим я трудился много и долгое время. Но и сии познания, повергнув долу, положил я к стопам Христовым, чтобы они уступили Слову великого Бога, Которое затмевает Собою всякую витиеватость и многообразное елово ума человеческого.

Но, избежав иного, не избежал я невероятного – вражды неприязненного, который с лицом дружелюбным строит мне козни. Откровенно поведаю всем мое бедствие, чтобы другие могли спастись от ухищрений пресмыкающегося зверя.

Ухаживая за родителями, которые обременены были старостью и жестокой скорбью, потому что из детей остался у них я один – слабая надежда, небольшое мерцание уже несуществующего великого светила, – ухаживая за родителями, думал я исполнить угодное Тебе и законам Твоим, Царь мой Христос; потому что Ты, Блаженный, даруешь детей смертным, чтобы имели в них помощь и ими, как жезлом, подпирали дрожащие члены. А из всех, которые чтут Тебя, мои родители особенно заботятся о благочестии, избегнув опасности скорбной жизни, они привязали корабль свой к Твоим чистым заповедям. Ты для них начало и конец. Матерь моя, наследовав от отцов богоугодную Веру, и на детей своих наложила золотую сию цепь. В женском образе нося мужественное сердце, она для того только касается земли и заботится о мире, чтобы все, и даже саму здешнюю жизнь, преселить в жизнь небесную, и на легких крыл ах воспарить ввысь. А родитель прежде, служа идолам, был дикой маслиной, но привился к стеблю маслины доброй и столько принял в себя соков благородного корня, что закрыл собой дерево, и многих напитал медоточными плодами, он сед волосами и вместе сед умом, приветлив, сладкоречив, это новый Моисей или Аарон, посредник между людьми и небесным Богом; непорочный внутренне, чистыми тайноводствия – ми и нашими жертвами, какие закаляет ум, приводит он в общение смертных и великого бессмертного Бога. От такого родителя и от такой матери произошел я. Соревноваться им невозможно; а что соревнуются они друг с другом, это не тревожит меня. Заботясь о них и облегчая их труды, питал я ум свой надеждами, что делаю самое полезное дело, исполняю долг природы.

Но несомненно, что путь нечестивых исполнен пагубы, потому что и из доброго произошло для меня злое. Непрестанные и тяжкие заботы, день и ночь снедая душу и тело, низводят меня с неба к матери моей – земле. Во – первых, управлять служителями – подлинная сеть пагубы. Жестоких владык они всегда ненавидят, а богобоязненных бесстыдно попирают;

к злым неснисходительны, добрым неблагопокорны, но на тех и на других дышат неразумным гневом. А сверх того надобно заботиться об имуществе, всегда иметь на плечах кесарево бремя, переносить сильные угрозы сборщика податей, потому что подать, возрастая с именем, унижает для людей цену самой свободы, а на устах лежат узы. Надобно проводить время среди волнений многолюдного собрания, близ высоких седалищ, с которых решаются людские распри, надобно выслушивать громкие возражения противника или по закону терпеть скорби в запутанных сетях. Вот бремя, вот труд! А злые берут преимущество перед добрыми; блюстители законов могут быть куплены той и другой стороной. И если злой имеет у себя больше достатка, то он и лучший. Кто же с такими людьми, без помощи Божией, избежит множества лжей и хитросплетений? Ибо необходимо или опрометью бежать и оставить все злым, или очернять свое сердце, подобно как приближающийся к этому дыханию истребительного огня носит на себе печальные знаки или пламени, или дыма. Но это еще сносно. Моя рана болезненнее. После того, как единокровный мой оставил жизнь, сколько я терпел и сколько надеюсь еще терпеть! Кто встретил неожиданные потери, тот не ожидает лучшего. При жизни брата и я имел некоторую славу у людей; богатство же или могущество никогда не волновало моего сердца. А как скоро он умер, один я терплю скорби и горести.

Из имения, каким владел брат, иное поглотила разверзшаяся земля, когда и сам он покрыт был развалинами Никеи, а иное демон предал расхищению руками негодных людей; только сам, заваленный обломками, избежал он смерти, потому что небесный Бог простер руку Свою над домом, в котором он находился. О, Кесарий мой – досточтимое имя – как утренняя звезда блистал ты тогда при дворе царском, занимая первое место по мудрости и кроткому нраву, имея у себя многих сильных друзей и товарищей; для многих изобретя ты лекарства от тяжких телесных недугов; многих своими благодеяниями избавлял от нищеты: но теперь ты умер и насытил многих псов, которые отовсюду обступили меня и лают; а из родных никто не помогает мне. Немногие меня любят, и те любят как враги; уважают, пока еще ничего не получили, а получив, ненавидят. Так с высокого развесистого дуба, порываемого усилиями ветра, и здесь и там, отовсюду вокруг похищаются ветви; так с обширного виноградника, у которого разрушена ограда, мимоходящие путники без милосердия собирают грозды, и единопасущийся в лесах вепрь наносит ему вред зубами. А мне – многослезный труд, нет сил в моей руке ни насытить, ни отогнать всех.

С тех пор, как в первый раз, отрешившись от житейского, предал я душу светлым небесным помыслам, и высокий ум, забрав меня отсюда, поставил далеко от плоти, скрыл в тайниках небесной скинии, осиял мои взоры светом Троицы, светозарнее Которой ничего не представляла мне мысль Троицы, которая с превознесенного престола изливает на всех общее и неизреченное сияние, Которая есть начало всего, что отделяется от превыспренного временем, с тех, говорю, пор я умер для мира, а мир умер для меня. Я – дышащий мертвец, мое могущество – кончившаяся греза; моя жизнь в ином мире: я воздыхаю под деблою плотью, которую мудрые прекрасно называют мраком ума. Отрешившись от здешней жизни, от омрачающего зрения, от всего, что, пресмыкаясь по земле, блуждает и вводит в заблуждение, желаю чище приникнуть в постоянное, чтобы не в смеси (как обыкновенно доселе) с неясными образами, которыми зрение даже самого острого ума вводится в обман, но чистыми очами видеть саму истину. Впрочем, сие возможно впоследствии; а здешнее – ничего не стоящий дым или прах для того, кто эту жизнь обменял на жизнь великую, жизнь земную – на жизнь высшую, жизнь скоропреходящую – на жизнь постоянную.

За сие – то и напали на меня все, не хотят отойти от меня, спеша как на готовую добычу. Увы, увы, мой Кесарий! И ты – горсть праха, ты, который отражал от меня все беспокойства, давал мне возможность избегать всякого бремени, почитал брата, как не почитал никто другой, уважал меня, как иной уважает любимого отца!

Но я не столько сетую о потере имущества, которое желал сделать общим достоянием нуждающихся, потому что и сам я здесь иноземец и скиталец и все предоставляю руке Всевышнего – подательнице благ; не столько сетую об обиде, ненавистной всякому смертному, хотя она и кроткого человека всего скорее может привести в гнев; не столько сетую об единокровных, которых скрывает от меня гроб, похитив преждевременно, когда они возбуждали удивление всех земнородных, сколько плачу о душе своей, ибо вижу, что эта прекрасная и великая царица, дочь благородных Царей, изнемогает под тяжестью неразрешимых оков. Враги пленили ее силой оружия, подвергли трудному рабству; и она потупляет в землю печальные очи. Таково мое страдание; вот рана, которую ношу в сердце!

Есть древнее сказание, что если злая ехидна наложит зубы и нанесет губительную рану, увязленный тому только охотно пересказывает о сем, в кого безжалостная ехидна со своим палящим ядом влила ту же пагубу, потому что такой только человек знает нетерпимость боли. Так и я поведаю о своем мучении только тем, у кого одинаковая со мной любовь, одинаковое страдание и подобная скорбь. Тот только примет рассказ мой с любовью, пожелает знать лучшие тайны слезящего сердца, кто, возжелав подать на рамена бремя креста и имея свою часть в огороде великого Царя, предпочитает путь прямой и сострадателен к падшим. Но я возбудил бы смех, рассказывая о своих горестях другим, особенно, в ком вера слегка напечатлелась на поверхности сердца, в чью внутренность не проникла крепкая любовь к Царю, кто живет на земле, помышляя единственно о том, что однодневно. Но да погибнут такие люди, потому что на всех: и на добрых, и на злых – равно изошряют они язык – эту уготованную стрелу!

А я не прекращу сетования, пока не избегнул плачевного порабощения греху, пока ключом ума не замкнул безумных страстей, которым жестокий сатана отверз ныне все входы, хотя они не имели ко мне доступа прежде, когда покрывала меня Божия рука и грех не имел близости такого вещества, которое бы легко и скоро воспламенялось, как солома от приближения огня не только возгорается, но раздуваемая ветром, образует высокий пламенный столп.

Мне надлежало бы прежде всего укрыть плоть свою в пропастях, горах и утесах; там, бегая от всего, от самой сей жизни, от всех житейских и плотских забот, живя один вдали от людей, носил бы я в сердце всецелого Христа, к единому Богу вознося чистый ум, пока не облегчила бы меня смерть, наступив вместе с исполнением надежд. Так надлежало бы! Но меня удержала любовь к милым родителям; она, как груз, влекла меня к земле; даже не столько любовь, сколько жалость – эта приятнейшая из всех страстей, проникающая всю внутренность и все составы костей, жалость к богоподобной седине, жалость к скорби, жалость к бесчадию, жалость к заботливости о сыне, с какой, непрестанно предаваясь сладостным трудам, трепещут за него, как за глаз своей жизни и как за обремененного печалью. Предметом его занятий были прежде книги, которые Дух начертал языком святых мужей, а также из доброго писания просиявшая благодать Духа и сокровенная польза, открываемая одним очищенным. Ему приятны были молитвы, воздыхания, бессонные ночи, ангелоподобные лики, которые, стоя на ногах, призывают Бога в псалмах и в песнопениях возносят к Нему сердца, из многих уст воссылая общие славословия. Ему приятны были – изнурение виновника зол – чрева, умерение смеха, неподвижность языка и очей, обуздание неистового гнева. А ум сдерживал блуждающую и всюду озирающуюся мысль, обращал же ее ко Христу небесными надеждами; ум стоял выше всего, возводя образ к Царю. И Богу угодно было такое стремление. Вместо богатства и несносного шума, который беспокоит меня в ночных сновидениях (потому что призраки ночи подобны дневным заботам), у меня перед очами было Божие сияние, пресветлое ликостояние и слава душ благочестивых. Но теперь в душе моей, которая прежде любила беседовать со всеми добродетельными, погибли все украшения, остались же внутреннее желание и безнадежная скорбь.

О сем плачу и не знаю ясно, что даст завтрашний день. Приведет ли меня Бог обратно к прежним правилам жизни, освободив от горестей и сняв с меня все бремя, или прежде, нежели

увидю ясное небо, прежде, нежели приложен будет пластырь к ранам, изринет меня отсюда погруженным в скорби несчастливцем, который желает света после глубокой ночи? Тогда кто поможет сетующим напрасно? Здесь врачество для людей; а напоследок все будет заключено.

Седая голова и покрытое морщинами тело преклонилось уже у меня к вечеру скорбной жизни. Но доселе не испивал я столь сильных и многочисленных горестей. Не страдал я столько и тогда, как, отправляясь в Ахаш из Фаросской земли, встретил я море, обуреваемое ярыми ветрами при восхождении осеннего тельца, которого особенно бояться пловцы, и немногие из них осмеливаются при нем отрешать корабельную вервь. Двадцать дней и ночей лежал я на корме корабельной, призывая в молитвах царящего в горних Бога; пенная волна, подобная горам и утесам, то с той, то с другой стороны ударяла в корабль и нередко низвергалась в него; от порывистого ветра, свистящего в канатах, потрясались все паруса; эфир в облаках почернел, озарялся молниями и повсюду колебался от сильных ударов грома. Тогда предал я себя Богу и избавился от ярого моря, усмиренного святыми обетами. Не страдал я столько и тогда, когда колебались основания обширной и трепещущей Эллады, не видно было помощи в бедствии, а я трепетал от того, что душа моя не была еще освящена небесным даром; ибо благодать и озарение Духа привлекаются на людей купелию. Не страшился я столько и тогда, как болезнь пожирающим своим дуновением наполнила мои уста, стеснила проходы дыхания и пути жизни; и тогда как, в потемнении ума вертя прутком, поранил и окровенил я себе изогнутый угол ресницы, как убийца, утратил для себя свет. Великий плач последовал за жестокой ошибкой, и я не мог своими руками возносить духовной жертвы Богу до тех пор, пока слезами не измыл повреждения; потому что для нечистого опасно прикасаться к чистому, равно как и слабое око устремлять на огнистое солнце. Много потерпел я бедствий. Кто перескажет все то, как призывал меня Бог, и отягощая на мне руку Свою, и благоволя ко мне? Но доселе не встречал я таких несчастий, какие напоследок достались моей злополучной душе.

Она желала бы увидеть когда – нибудь день свободы, совлекшись всего и обнажившись, избежать огня, уловления могущественным миром, чудовищной пасти змия, который готов уловляемого им поглотить своим зевом; а мой ум составляет сладкую снедь для велиара. Кто даст главе моей или векам текущий источник, чтобы потоками слез очистить во мне всякую скверну, сколько нужно оплакав грехи? Ибо для смертных и для душ очернившихся самое лучшее врачество – слезы, обгоревший пепел и безопасное на земле пристанище. Пусть всякий, взирая на меня, приходит в трепет, приобретает новые силы бежать от черной египетской земли и горьких тамошних дел и царя Фараона, шествует же в божественное отечество! Пусть не остается он пленником на бесплодных равнинах Вавилона, сидеть на берегах реки, отложив в сторону все песенные органы и заливаясь слезами, но спешит в пределы святой земли, избежав ассирийского рабского ига, которое обременяло его доселе, и положит своими руками основание великого храма! С тех пор, как я, злосчастный, оставил сию священную землю, не прекращалось во мне желание возвратиться туда; мучительное страдание повергло меня в старость, потуплены в землю мои глаза, скорбь растет в сердце, стыжусь смертных и бессмертного Царя; такова моя одежда и таково мое сердце, что не смею ни возвести взоров, ни открыть уст. Одной бедностию своею привлекаю к себе милосердие Царя, Который, благоволя ко всем земнородным, отвергает надменных.

Злые разбойники, как повествуется, поймав одного путника, который из святого града Иерусалима шел в известный городок Иерихон, причинили ему много оскорблений, всего изранили, нанеся бесславные удары, совлекли покрывавшие его одежды и по жестокосердию оставили едва дышащим. В скором времени нашли его другие путники, но Левит и иерей прошли мимо, не оказав милосердия, когда же подошел один самарянин, он сжалился над бедным, взяв его, обвязал струпы, оставил врачество для ран и плату попечителю. Весьма чудно, почему самарянин, увидев его, сжалился, а не сжалились те, которые были лучше самарянина. Не знаю ясно, что таится под этим образом и какие тайны сокрывает Бог в Своей премудрости. Но

да помилует меня в этом! И я таким же подвергся бедствиям. Ненавистник душ, похититель жизни подобным образом истерзал и меня, когда выходил я из священного града; и меня лишил он благодати Христовой и оставил нагим, как прежде Адама – причину персти и падения, когда вкушение низложило его на землю, из которой он произошел. Но умиلسердись ко мне, Царь; спаси от смерти меня, которого оставили иереи, как скоро увидели изнемогающим; введя в уготованный для всех дом, обвяжи мои струпы и, когда восстановятся мои силы, пошли опять во святой град, где бы мог я опять быть в безопасности; охрани от злых грабителей, от трудного пути, от ран и от таких мимоходящих, которые имеют безжалостное сердце, хотя и хвалятся благочестием!

Два человека, как слышу, вошли во храм: высоко о себе думающий фарисей, будто бы он всех угоднее Богу, и мытарь, у которого сердце сокрушено было внутренне раскаянием в неправедных прибытках. Один подробно перечислял посты, законные десятины, сравнивал себя с мужами древними и укорял словами мытаря; а другой, заливаясь слезами, ударяя руками в грудь, не смея возвести даже очей к престолу великого Бога, то есть к широкому небу, и ни на кого не смотря своими рабскими очами, но стоя вдаль, молился и зывал: «Будь милостив, умиلسердись над рабом Твоим, обремененным грехами! Меня не спасут ни закон, ни десятины, ни добрые дела; и укоряющий не лжет; я стыжусь и храма, потому что касаюсь его преподобными ногами. Но Твоя благодать, Твое милосердие да излиются на меня оскверненного; сию одну надежду, Царь, подай жалким беззаконникам». Так говорили они. Бог услышал обоих и помиловал того, кто оказался изнемогающим, а высокомерного поставил ни во что. Как видел, так и рассудил их Ты, Боже мой, Который и мне подаешь смелость, потому что и я перед Тобой – тот же негоднейший мытарь, также тяжко воздыхаю и уповаю только на Твою помощь.

Если отец мой и почтенная мать воздали Тебе за меня слезами, воздыханиями и молитвами; если они уделяли Тебе хотя бы малую часть стяжаний, чувствовали Тебя чистыми и святыми жертвами (а я сам ничего такого не сделал, что было бы достойно Тебя), то умоляю, вспомни о них и помоги мне. Удали от меня злые заботы, чтобы тернии не подавили меня своими отраслями и не остановили в шествии божественным путем. Ты, защита моя, проведи меня невредимым, ибо Твой я служитель, Твое я достояние. Ты для меня от начала единый Бог; Тебе посвятила меня мать, нося меня еще в утробе своей. Тогда еще, желая на коленях своих держать сына и подражая священной Анне, зывала она: «Царь мой, Христос! Даруй мне увидеть сына, и юный плод чрева моего заключишь Ты в Своей ограде». Так вещала она, и Бог внял ее молению; в ниспосланном от Бога сновидении наречено матери мое имя; а потом дал Ты ей и сына, и она в святилища Твои принесла меня – нового Самуила, если только был я когда –нибудь Самуилом. А теперь сопричтен я к мерзким и наглым сынам достославного служителя Твоего – Илиа, которые с неразумным сердцем приступали к чистым жертвам, жадными руками касаясь священных котлов, за что и имели несчастный конец жизни.

Но мать моя с лучшими надеждами отделяла Тебе часть рожденных ею. Она руки мои очистила божественными книгами, и, обнимая меня, сказала мне такое слово: «Приводил уже некто к алтарю возлюбленного, богодарованного сына, готового стать священной жертвой. Наилучший отец приводил доброго сына, плод поздно рождающей Сарры, и корень потомства, какое начертала надежда и Божие обетование. Авраам был жрец, и Исаак – славный агнец. А я, как обещала, приношу Богу тебя – дар живой; исполни же материнское желание. Ты рожден у меня по молитвам моим; о том теперь и молюсь, чтоб ты был совершен. Это доброе богатство даю тебе, сын мой, для сей и для будущей жизни; но последнее гораздо лучше». Таково желание, матери; и я покорялся ее желаниям, будучи еще отроком; юная душа моя принимала в себя новый образ благочестия; печать соблюдалась по мановению Христа, Который явно беседовал с рабом Своим, связал меня любовью к целомудрию, обуздал мою плоть, вдохнул в меня горячую любовь к божественной мудрости и к жизни монашеской – началу жизни будущей,

к жизни, не ищущей ребра, которое бы любило плоть свою, льстивыми же словами доводило до горького вкушения, к жизни, приносящей в дар Богу чистую любовь и не разделяющей рожденного всецело от Бога между женой и Христом, Который, стезею узкой и трудной, через тесные и не для многих проходимые врата в торжественном сопровождении приводит к Богу меня – бога, из земли сотворенного, а не рожденного, и из смертного ставшего бессмертным, – приводит, с великим Божиим образом привлекая и помощника моего – тело, подобно тому, как магнит притягивает черное железо.

Увы! Какое тяжкое отмщение потерпела ты, душа моя! Тщеславные смертные, подлинно стали мы подобны легкому дуновению ветра; или, как туда и сюда стремящийся поток Еврипа, гордясь пустотой, вращаемся мы на земле. Ни худое, ни доброе – ничто не бывает у людей до конца одинаковым. Пути добрых и злых идут между собой весьма близко; и злой не знает, чем он кончит впоследствии, и добрый не твердо стоит в добродетели; но как порок ослабляется страхом, так добродетель завистью. И Христу угодно, чтобы с тем и с другим боролся наш однодневный род, чтобы мы, взирая на Его могущество, устремляли взор ввысь. Тот у нас совершенен, кто видит прямым путем, не озирается на пепельную пустыню Содома, гибельным огнем пожираемого за наглость, но стремительно бежит на гору и забывает об отечестве из страха, чтобы не стать притчею и соленым камнем.

Собственными своими страстями свидетельствую я о человеческой растрепанности. Когда был я отроком и несколько разумения имел в груди, тогда, следуя какому – то прикровенному разуму и похвальным обычаям, восходил я ввысь к светозарному престолу и не блуждающими стопами шел по царскому пути. Но теперь, когда собрался я с разумом и касаюсь уже предела жизни, как бы от упоения не тверды стали стопы мои, и я, несчастный, иду излучинами; меня изнуряет брань с пресмыкающимся змием; она тайно и явно похищает у меня всякую хорошо придуманную мысль. То простираю ум к Богу, то опять увлекаюсь в худую слитность мира; и не малую часть души моей исказил смутный мир.

Но хотя покрыл меня собой черный грех, хотя враг мой, подобно каракатице, изрыгающей черноту свою на воды, явно излил на меня темный яд, однако же я столько еще могу разобрать и рассмотреть, что наилучшим образом вижу: кто я, чего желаю достигнуть и где нахожусь; несчастный, сколько раз падал я на землю или в разверстую под землей бездну. Не обольщаюсь убеждениями, не пленяюсь словами, придуманными в защиту страстей; не утешаюсь измерением чужих пороков, как совершеннейший в сравнении с другими. Больному, которого режут железом, приятно ли видеть, что режут и других и что они ощущают еще сильнейшую боль? Что за приобретение порочному от того, что другой и его порочнее? Кто отличается добротой, от того может получить пользу и добрый, и худой, потому что зрячий – приобретение для слепого. Но услаждаться тем, что видишь порочных, есть признак еще большей порочности.

Если кто почитает меня хорошим, когда я худ, – это тяжело для меня и я внутренне проливаю тайные слезы. Лучше, будучи хорошим, во мнении других оставаться худым, нежели, будучи худым, иметь славу доброго и быть для людей обманчивым гробом, который внутри полон зловония от гниющих мертвецов, а снаружи блистает белизной и приятными для взоров красками. Убоимся великого Ока, которое видит и под землей, и в великих глубинах моря, видит все, что скрывается в человеческом уме. Перед ним ничего не разделяет время; для Бога все – настоящее. Как же сокрыл бы от Него кто –нибудь свое беззаконие? Где же укроем самих себя в последний день? Кто поможет тогда? Где утаимся от Божия ока, когда дела всех различит очистительный огонь, пожирающий легкое и сухое естество греха?

Сего – то греха боюсь и трепещу день и ночь, видя, как душа ниспадает от Бога на землю, больше и больше сближается с плотью, которой желал я избежать. Так на берегах осенней реки гордящуюся сосну или вечнозеленый чинар, подрывшись под корни, погубил соседний ручей. Сначала поколебал он все опоры и на стремнине поставил высокое дерево, а потом

наклонил к реке держащееся еще на тонких корнях и, сорвав со стремнины, бросил в середину водоворота, повлек с великим шумом и отдал камням, где бьет непрестанно дождь, и вот от сырости согнивший, ничего не стоящий пень лежит у берегов. И на мою душу, цветущую для Христа – Царя, напал жадный, неукротимый враг, низложил ее на землю и большую часть погубил; а то немногое, что осталось еще, блуждает там и здесь, если бы опять воскресил ее Бог, Который создал не сущих, а потом и разрушившихся воссоздаст и приведет в иную жизнь, чтобы встретили или огонь, или светоносного Бога! Но все ли впоследствии встретят Бога? Этот вопрос отложим до другого времени.

Царь мой, Христос! Хотя неприязненные люди называют меня мертвым и бессильным, тайне издеваются надо мной, кивая головой, смеются моему бедствию, но Ты не оставь меня пасть под ударами противников.

И во – первых, подкрепи снова в небесных надеждах, и, мне угасающему, мне – жаждущей светильне в светильнике, удели несколько влаги, несколько капель елея, чтобы, когда огонь возгорится, опять совокупился обновленный во мне свет, и я сподобился светлой жизни. А во – вторых, сними с меня всякое бремя и отдай его бурным ветрам, а мне даруй легкое дуновение.

Довольно смирял Ты сердце мое. Наказываешь ли Ты меня за горький грех, или укрощаешь скорбями, как укрощают молодого коня, гоня по непроходимым местам, или останавливаешь превозношение моего ума, так как оно весьма удобно рождается в тех из благочестивых, которые имеют легкий ум и самую благодать Божию обращают в повод к кичению, или моими бедствиями, Спаситель мой – Слово, хочешь Ты вразумить смертных, чтобы они возненавидели порочную жизнь, которая непостоянна, приводит к гибели всякого, и доброго, и злого, спешили же к иной жизни, к постоянной, неразвлекаемой, а для благочестивых и лучшей; но в великих глубинах премудрости Твоей сокрыто сие, что значат в продолжении превратной жизни преподаваемые смертным уроки, и благие, и горестные, во всяком же случае самые полезные, хотя и скрывается сие большею частью от дебелости нашего ума. Ты премудро движешь кормилом мира, куда не обращаешь его; и им только спасаемся мы от опасных утесов, переплывая великое и наполненное подводными камнями море непостоянной жизни.

Но я, утружденный и сокрушенный всякого рода бедствиями, преклоняю перед Тобой колена. Пошли ко мне Лазаря, который бы увлажненным перстом прохладил скорее язык, иссохший в пламени; и меня, богатого страданиями, не удерживала бы долее бездна и не оставляла вдали от Авраамова лона. Простри надо мной мощную руку Свою, подай врачевство от горестей, покажи на мне все прежние чудеса, всю силу знамений. Скажи, и иссякнет немедленно кровавый ток Скажи, и дух легиона взойдет в стадо свиней, низринется в море и отступит от меня. Удали несносную проказу; пусть свет проникнет в невидящие очи, пусть уши услышат голос; распрости сухую свою руку; разреши узы языка; утверди немощные стопы ног, насыть от малого хлеба; укроти страшное море; блистай светлее солнца; укрепи отяготевшие силы; воскреси из мертвых смердящего и, видя меня доселе бесплодной смоковницею, не иссушай.

Другие полагаются на что –нибудь иное – на благородство крови, на прах и настоящую пышность; они ищут себе какого –нибудь ничтожного помощника. Я один оставлен Тебе единому, Царь царей, Тебе, державствующему над всеми! Ты моя величайшая сила! У меня нет попечительной супруги, которая бы избавила меня от неисцельных забот и своими ласками врачевала сетующего. Не веселят меня милые дети, при которых ободряется старость и снова начинает ходить юношескими стопами. Не утешают меня ни единокровные, ни друзья: одних похитила жестокая смерть, другие, любя благоведрие, приходят в трепет при малом волнении, застигающем друга. Одно у меня было чудное утешение. Как жаждущий олень в прохладном источнике, так я находил его в сообществе мужей совершенных и христоносных, живущих на земле превыше плоти, любителей вечного Духа и благого служения, не связанных узами супружества, презрителей мира. Но и они, ратоборствуя за Тебя, разделились и стоят один за

одно, другой за другое; ревность Божия незаконно расторгла закон и согласие любви, от которой осталось одно имя.

Как иной, спасаясь от льва, набегает на лютого медведя, и, убежав от медведя, с радостью укрывается в доме и опирается рукой о стену, но тут неожиданно поражает его змея, так и мне, избежавшему многих страданий, нет врачевства от бедствий. Что ни встречаю, то все болезненнее прежнего. Везде ищу помощи и повсюду от Тебя, обременяемый, к Тебе опять обращаю взоры, Блаженный, к Тебе, моя помощь, к Тебе, Вседержитель, Нерожденный, Начало и Отец Начала – бессмертного Сына, великий Свет равного Света, Который, по неисследимым законам, из Единого исходит в Единое, – к Тебе, Сын Божий, Премудрость, Царь, Слово, Истина, Образ Первообраза, Естество равное Родителю, Пастырь, Агнец, Жертва, Бог, Человек, Архидерей – к Тебе, Дух исходящий от Отца, Свет нашего ума, приходящий к чистым и творящий человека богом! Умилосердись надо мной; даруй и мне, как здесь в преклонные лета, так и в будущей жизни, когда вступлю в общение со всецелым Божеством, радостно восхвалять Тебя немолчными песнопениями!

Плач о страданиях души своей

Что претерпел я, злосчастный? Какой плач будет соответствовать моим страданиям? Где возьму достаточный источник слез? Какую составлю песнь? Оплакивал ли кто смерть детей, досточтимых родителей, милой супруги, или истребление любезной отчизны губительным огнем, или поражение членов лютой болезнью, никто так не сетовал, как рыдаю я о жестоко страждущей душе своей, в которой (о, я злополучный) гибнет небесный образ.

Несомненно то, что человек есть тварь и образ великого Бога. От Бога всякий исшел и к Богу идет, кто, устремя мысль горе и плоть оковав духом, вождем своей жизни имеет милосердного Христа, а стяжание свое, язык и слух, самый ум и силу – все посвящает грядущей жизни, кто, из все поглощающего мира исхищая все, чем возобладал похититель чужого достояния, богопротивный велиар, вносит сие в сокровищницы, которые тверже земных и расхищаемых, и разрушаемых, чтобы узреть самого Царя, чтобы, совлекшись плоти и противоборствующей дебелости, соделаться богом и духом, стать в чине светозарного ангельского лика, за великие труды стяжать еще большую награду, не как прежде, взирая на легкий образ скинии, на письменное и разрушаемое изображение закона, но чистыми очами ума созерцая саму истину и устами воспевая празднственную песнь. Такова цель жизни; к сему обитателей земли возводит величие Христовых страданий. Ибо Христос, будучи Богом, начальником жизни, превысил века, всегда всецелый образ бессмертного Отца принял образ раба, вкусил смерть, вторично встретил жизнь, чтоб от рабства и отуз смерти избавить меня, возвращающегося к лучшей жизни.

Но не соблюдал я досточтимых таинств Божиих, хотя душа моя и посвящена в тайны небесного восхождения. Грубая плоть гнетет меня долу; не смог я подняться из грязи и обратиться око к свету. И обращал, правда, но между нами стало и очи мои закрыло облако – это мятежная плоть и земной дух. Много на сердце суетных попечений блуждающего ума; они обращаются то к тому, то к другому и отдаляют от меня Христа – Бога – Слово, потому что Жених не терпит общения с чуждой для Него душой. Много лежит на языке тлетворных зелий пагубы, потому что язык – половина всех человеческих пороков, изрыгает ли он явное зло – гнев, который особенно сильный в своих порывах отнимает у человека ум или, затаив в груди коварный умысел, льет кроткие речи из мягких устен.

О, если бы приставлена была какая –нибудь дверь и к глазам, и к устам моим, не всегда отверзающимся на добро, чтобы я и видел, и слухом принимал одно полезное, а для худого сами собой замыкались у меня и зрение, и слух! И для рук самое лучшее упражнение, чтобы они, чистые, непрестанно воздевались к небу и были покорны небесным законам; равно и для ног, чтобы они шли путем гладким, а не по тернам, не по утесам, не по стезе непреподобной. Но теперь, хотя каждый дарованный мне Богом член и сам в себе полезен, и для полезной дарован цели, однако же грех обратил его для меня в оружие смерти.

Какой же это правит мной закон? Отчего я на земле стал узником плоти? Как тело приращено к легкому духу? Не весь я чистая природа – ум, не весь и худшая – плоть; но составлен из того и другого, и нечто иное с ними. А потому и терплю непрекращающуюся тревогу брани между враждующими взаимно – и плотью, и душой. Я – образ Божий, вовлекаюсь в греховность; худшее во мне несправедливо противится лучшему, или убегаю от грехов и противлюсь им, но не без труда, после многих борений и при небесной только помощи.

Ибо два, точно два во мне ума: один добрый, и он следует всему прекрасному, а другой худший, и он следует худому. Один ум идет ко свету и готов покоряться Христу; а другой – ум плоти и крови – влечется во мрак и согласен отдаваться в плен велиару. Или один увеселяется земным, ищет для себя полезного не в постоянном, но в преходящем, любит пиршества, ссоры, обременительное пресыщение, срамоту темных дел и обманы, идет широким путем, и, покры-

тый непроницаемой мглой неразумия, забавляется собственной пагубой; а другой восхищается небесным и уповаемым как настоящим, в одном Боге полагает надежду жизни, здешнее же, подверженное различным случайностям, почитает ничего не стоящим дымом, любит нищету, труды и благие заботы и идет тесным путем жизни.

Видя их борьбу, Дух великого Бога снизошел свыше и подал помощь уму, прекращая восстание беспокойной плоти или усмиряя волнующиеся воды черных страстей. Но плоть и после этого имеет неистовую силу и не прекращает брани; борьба остается нерешительной. Иногда плоть смиряется умом, а иногда и ум опять против воли последует преобладающей плоти. Но хотя желает одного, именно лучшего; однако же, делая другое, именно, что ненавидит, оплакивает он тягостное рабство, заблуждение первородного отца, губительное убеждение матери – эту мать нашей продерзости, преступную ложь пресмыкающегося кровопийцы – змия, который увеселяется человеческими грехами, оплакивает и древо или вредный для человека плод древа, и пагубное вкушение, и врата смерти, и срамную наготу членов, и еще более бесчестное изгнание из рая, или от древа жизни. Об этом сетует болезнующий ум. Но плоть моя и ныне устремляет взор на прародителей и на человекоубийственное древо; она постоянно любит всякую сладкую снедь, какую только для обольщения ее показывает злой губитель – змий.

Посему и я плачу; и Царя, Который владычествует над всем и все взвешивает на весах Своих, слезно молю, чтобы милостиво рассудил душу и тело, прекратил брань, и худшее (как и следует, потому что сие гораздо полезнее и для души, и для тела) подчинил лучшему, чтобы обремененная плотью душа не влачилась по земле и не погружалась, как свинец, в глубину, но чтобы плоть уступал а окрыленному духу и образу, и грех таял, как воск от огня.

О сем моля, и сам прилагаю многие врачевства к грубой плоти, чтобы прекратить жестокий недуг, чтобы крепкими узами удержать силу плоти, как самого вероломного зверя; трепеща перед злой волной, ставлю преграды чреву, неудобоисцеляемой скорбью изнуряю сердце и проливаю потоки слез; преклоняю перед Царем сокрушенные колена, провожу ночи без сна, ношу печальную одежду.

Иным приходят на мысль пиры, ликованья, смех, обжорство – это забавы цветущего возраста. Иные опять находят себе утешение в супругах, в сыновьях, в непрочной славе обладать огромным богатством. Иных опять увеселяют народные собрания, рощи, бани, городская пышность, похвальные речи, шум сопровождающих, когда сами они быстро несутся на высоких колесницах. Ибо у смертных много утех в многообразной жизни, и к самым бедствиям примешивается веселие.

Но я умер для жизни, едва перевожу дыхание на земле, избегаю городов и людей, беседуя со зверями и с утесами, один, вдали от других, обитаю в мрачной и необделанной пещере в одном хитоне, без обуви, без огня, питаюсь только надеждой и обратился в поношение всем земнородным. У меня ложем древесные ветви, постелью надежная власяница и пыль на полу, смоченная слезами.

Многие вздыхают под железными веригами, иные, сколько знаю, употребляют в пищу пепел, и питье у иных растворено горькими слезами; иные, осыпаемые зимними снегами, по сороку дней и ночей стоят как древа, воспрянув сердцем от земли и имея в мысли единого Бога. Иной замкнул себе уста и на язык свой наложил узду, которую, впрочем, не всегда стягивает, ослабляет же ее для одних песнопений, чтобы уста его были одушевлены гуслиями, в которые ударяет Дух. А кто освятил Христу главу свою, ради благочестивого обета блюдет ее от острижения. Другой же смежил свои очи и к слуху приставил двери, чтобы не уязвило его откуда – нибудь неприметным образом жало смерти.

Такие шесть способов врачевания и я употреблял против неприязненной плоти. Уже и седина служит пособием против моих страстей. Много было и непредвиденных бурь, которые против воли заставляли меня волноваться и сокрушали тяжкими скорбями. Но непреклонная плоть не повинуется внушениям, не смиряется бедствиями, не укрощается временем, а все-

гда с закрытыми глазами спешит по стезе противоположной жизни, и подобно легиону ¹ ищет стремнин. Если же иногда и уступает ненадолго Божью страху, или трудам, или Божественным глаголам, то как растение, выпрямляемое руками садовника, опять сгибается в прежнюю кривизну.

О, жалкие подданные смерти! О, род человеческий, мы, которые, будучи снедаемы грехами, утешаемся своим беснованием, не уважаем разума, какой вложил в нас Бог при рождении, когда даровал нам семя жизни; не боимся закона, какой начертал Царь Христос, сперва на каменных скрижалях, прикрыв истину письменами, а напоследок на наших сердцах – сиянием Святого Духа! Мы начинаниями своими противоборствуем Христовым страданиям, которыми Христос избавил нас от мучительных страстей, когда воспринял плоть и пригвожден был ко кресту, к которому пригвоздил вместе и черный грех твари, и державу велиара, чтобы мы, возродившись и воспрянув из гроба, с великим Христом приняли горную славу.

Многочисленны дары Божий всем земнородным, наш язык не может изречь их величия. Бог привлекает меня к жизни, или смиряя ударами, когда грешу, или улыбаясь мне, когда угождаю Ему. Ибо всем управляет Он с умом, исполненным благоволения к человеку, хотя и сокровенна глубина Его премудрости, хотя между нашим родом и Божеством стоит глубокий мрак, сквозь который немногие проникают изощренным взором, именно же те одни, которых просветлила жизнь, и которые, став чистыми, коснулись чистой мудрости.

Но меня наградила Христос преимущественной славой. Сперва дал меня в дар матери, которая молилась из глубины сердца, и Сам принял меня в дар от родителей, у которых из всего, что они имели, не оказалось ничего дороже сына. А потом ночными видениями вселил в меня любовь к целомудренной жизни. Внимайте мне теперь, богомудрые; а оскверненные сердцем приложите двери к своему слуху!

Был я юным отроком, в таких годах, когда ум принимает в себя начертание доброго или худого, но, не имея еще в себе образца для твердых умопредставлений, прежде всего запечатлевает в сердце чужие нравы. У меня же родители не худыми красками расцветили ум, показав мне преимущества добродетели, потому что и сами, единодушно ревнуя о благочестии, и по своим седидам, и по достохвальным нравам, составляли предмет удивления для всех земнородных; наслаждаясь счастьем и телесным здоровьем, мерно проживали человеческую жизнь. Один из них стоял некогда далеко от великого стада, в котором теперь занимает высокое место; прежде не был он и овцой, а потом стал превосходнейшею из овец, из овцы соделался пастырем; а теперь уже он отец и пастырь пастырей. И хотя не рановременно приступил он к многоплодной жатве, однако же трудами своими сильно затмил начавших делание прежде него. А другая – святое насаждение священных родителей, по матери прозябшее от благочестивого корня благочестивых ветвей, – ничем не уступала женам, бывшим прежде, которые принимали у себя Царя Христа или видели Его, восставшего из гроба. Оба они немногим дышали на земле, и то по нужде плоти; большая же часть жизни их скрывалась в вышине. От них получило образование и мое нежное сердце, как недавно приготовленный творог, который скоро принимает вид сосуда.

И в одно время, среди глубокого сна, было мне такое видение, легко воспламенившее во мне любовь к девственности. Мне представлялось, что подле меня стоят две девы в белых одеждах, обе прекрасные и одинаких лет; все убранство обеих состояло в том, что они не имели на себе уборов, в чем, собственно, и состоит красота жен. Ни золото, ни гиацинты не украшали их шеи, ни тонкие шелковые ткани, ни хитоны из нежного льна не покрывали их членов. Очи не осенялись подкрашенными ресницами. Ими не было употреблено ни одно из средств, какие изобретены мужчинами, заботившимися об искусственном украшении женской наружности для возбуждения сладострастия. У них не рассыпались по плечам златовидные кудри

---

¹ Легион нечистых духов, которые Иисусом Христом изгнаны в стадо свиней и бросились в море.

и не играли с легким дыханием ветерков. Поясом стягивалась прекрасная верхняя одежда, спускавшаяся на ноги до пят. Головным покрывалом, закрывая и ланиты, стояли они, поникнув взорами к земле. Обоих украшал прекрасный румянец стыдливости, сколько можно было заметить сие из – под покрывал, плотно прилежавших к лицу. Уста их, заключенные молчанием, уподоблялись розе, лежащей в окропленных росой чашечках. Увидя их, я очень обрадовался, ибо рассуждал, что они должны быть намного выше простых земнородных. И они полюбили меня за то, что я с удовольствием смотрел на них; как милого сына целовали они меня своими устами; а на вопрос мой, что они за женщины и откуда, отвечали: «Одна из нас Чистота, а другая – Целомудрие. Мы предстоим Царю – Христу, и услаждаемся красотами небесных девственников. Но и ты сын, соедини и ум свой с нашими сердцами, и светильник свой с нашими светильниками, чтобы тебя просветленного, перенеся через эфирные высоты, могли мы поставить перед сиянием бессмертной Троицы». Сказав сие, уносились они по эфиру, и взор мой следовал за отлетающими.

Это был сон; но сердце долго услаждалось досточтимыми видениями ночи и обликами светлой девственности. Слова дев возобновлялись в мысли моей и тогда уже, когда понятие о добром и худом ясно усваивается человеком, когда ум возобладал над любовью, и красота восхитительного ночного видения стала представляться не ясно. Как сухую солому вдруг освещает питаемая внутри ее невидимая искра, и сперва появляется малый пламень, а потом восстает обширный огненный столб, так и я, воспламеняемый видением, мгновенно озарялся любовью, и лучи ее, не укрываясь во глубине души, делались видимыми для всех.

Сперва сблизился я с людьми благочестивыми, которые, отрешась от перстного мира, избегли брачных уз, чтобы, окрылясь, следовать за Царем – Христом и с великой славой преселиться отселе. Их возлюбил я, объял всем сердцем, и избрал для себя вождями небесной надежды. А потом и сам отринул тяжелое иго супружества, возлюбив высокий жребий вечно юных существ, потому что существа, населяющие обширное небо, не знают уз супружеских и выше беспокойных страстей. И таков, во – первых, пресветлый великий Бог, а по Нем таковы же и Божий служители, которые стоят близ высокого престола, приемлют на себя первый луч чистого Бога, и, просветленные им, преподают свет и смертным. А те, которые совокуплены воедино из души и тела, по природе двойственны, есть порождения противоборствующей плоти, любят супружескую жизнь и готовы сеять в плоть. Но Бог – Слово, принеся нам лучший жребий, поставил его вдали от плоти и отделил от обманчивого мира, приблизил же к безбрачной жизни бессмертных.

К Нему мое сердце стремилось любовью. Не на земле утверждал я слабые стопы свои, но, вкусив тамошнего твердого ликостояния, как бы сладкого молока или меда, не захотел подступать ближе к горькой снеди, к рождающемуся от нее душепагубному греху. Для меня не привлекательны были пиршества, не имело приятности все то, о чем заботится юность, ни мягкая одежда, ни роскошные кудри, ни неობольстительная прелесть срамных речей, ни смех невоздержный, ни воскипания неприязненной плоти. Другим уступил я стремнины, и ржущих коней, и своры гончих псов. Отринув все земные утехи, наклонил я шею под иго строгого целомудрия. Оно меня питало, ласкало, возрастало в великую славу и заботливо положило на руки Христу.

Но Ты, Отец, и Отчее Слово, и пресветлый Дух, опора нашей шаткой жизни! не попусти, чтобы враг, противник Твоей надежды, давил меня своими руками, чтобы и меня, как черный корабль, который по благополучном плаваньи, приближается к берегу и почти уже касается близкой пристани, вдруг сильная буря, всесокрушающим дыханием ударив в спущенные ветрила, понесла назад, и возвратив на широкий хребет жизни, и здесь и там обуреваемая великими бедствиями, бросила, наконец, на скрытые подводные камни.

А таков умысел завистливого велира. Он всегда преследует ненавистью человеческий род и не терпит, чтобы земные делались небесными, потому что сам за свое злоумышление

низвержен с неба на сию землю. Он, злосчастный, возжелал иметь славу первой Красоты и великую царственную честь самого Бога, но вместо света облекся в ужасную тьму. Потому и увеселяется всегда темными делами, имеет здесь владычество над мрачным грехом. Этот превратный ум принимает на себя двоякий образ, распростирая то ту, то другую сеть. Он – или глубочайшая тьма, или, если отроешь его, тотчас превращается в светлого ангела и обольщает умы кроткой улыбкой. Почему и нужна особенная осторожность, чтобы вместо света не встретиться со смертью. Избегать порочной жизни могут и худые люди; потому что открытый порок для многих ненавистен. Хвалю же того, кто изощренными очами духа обличает коварного и невидимого врага.

Но Ты, Милосердый, соблюди мою старость и мою седую голову и пошли добрый конец жизни! Как прежде заботливо Ты любил меня и день ото дня вел к большему совершенству, приближая к благим надеждам; так и из неприязненных и мучительных забот введи в тихую пристань Твоего царства, чтобы, прославляя Тебя, Царь, с присноживущими Светами, сподобился я небесной славы.

Жалобы на свои страдания

Много раз я простирал ко Христу Царю жалобное слово, изнемогая от великих напастей. Ибо и царь иной великодушно выслушивает от служителя скромное описание его рабских горестей; а добрый отец принимает часто от неразумного своего сына и явно смелые речи. Посему и Ты, Боже мой, будь снисходителен к словам моим, которые вознесет к Тебе, о Прекроткий, болезнующее сердце. Если болезнь отрыгнула сердцем, это служит уже некоторым облегчением в страданиях.

Для чего Ты, Царь мой Христос, поражал меня свыше столь многими бедствиями с того самого времени, как испал я из матерняго чрева на мать землю? Если Ты не связал меня в мрачной матерней утробе; то для чего я принял столько горестей на море и на суше, от врагов, от друзей, от злых начальников, от чужих и от соотечественников, и явно и тайно осыпавших меня и словами противоречия и каменными тучами? Кто опишет все это подробно? Я один известен всякому, не тем, что имею пред другими преимущество в слове или в силе руки; но своими скорбями и сетованиями. Как льва обступили вокруг и лают на меня злые псы. Какая жалкая песня с востока и с запада? А может быть дойдет и до того, что ктонибудь, разнеживший сердце на пиру, или какой –нибудь путник, или другой кто, касаясь перстами сладкозвучных гуслей, и в неговорящих звуках пересказывая мои скорби, вспомнит о Григории, которого воспитал Каппадокийцам небольшой диокесарийский город.

Но иным посылаешь Ты сверх ожидания многотрудное несметное богатство, иным же добрых детей; иной прекрасен, иной силен, иной красноречив. А моя слава в скорбях; на меня из сладостной руки Своей истошил Ты все горькая стрелы. – Я новый Иов; не достаёт только подобной причины моих страданий; потому что выводил меня не на ратоборство с жестоким противником, как доброго борца, в силе котораго уверен Ты, Блаженный, и не для того, чтобы за добрый подвиг дать награду и славу. И я неспособен к сему, и скорби мои не так славны. Напротив того, я терплю наказание за грех. Какой же это грех? Во множестве прегрешений моих не знаю, которое оскорбляет Тебя более других. Всем открою, что заключено во глубине моего ума, хотя не ясно сказанное слово и закрыло бы, может быть, грех.

Я думал, что, как скоро Тебя одного соделал я своим вождленным жребием, а с тем вместе и все подонки жизни ввергнул в море, то, приближая к Твоему Божеству высокопарный свой ум, поставил уже его вдали от плоти. А слово вело меня к тому, чтобы всех превзойти, чтобы выше всех на золотых крылах воспарить к небу. И это возбуждало против меня всегдашнюю зависть; это запутало меня в беды и неизбежные горести. Твоя слава восторгала меня в высоту; и Твоя же слава поставила меня на земле. Ты всегда гневаешься, Царь, на великую гордыню!

Да услышат сие, и да напишут будущим родам, народы и правители, мои враги и доброжелатели! Я не отказывался от любезнаго мне престола великаго моего родителя; нет, – и несправедливо было бы противиться Божиим уставам. Ему дан сей престол по законам, а моя юная рука служила опорой руке старческой; я уступил молениям отца, который не мною одним был почитаем, в котором и далекие даже от нашего двора уважали седину и равную ей светлость духа. Но когда Владыке нашей жизни угодно стало и то, чтобы явил я Слово и Духа на других чуждых, необработанных и поросших тернием нивах; тогда я, малая капля, напоил великий народ. А потом опять угодно вдруг стало сюда обратно послать меня, рожденного для тяжкой болезни и мучительных забот; забота же яд для человека. Но не на долгое время дал я успокоение своим членам, ибо должен был дать пастырскую свирель – доброго помощника моему стаду, которое оставалось без пастыря, чтобы какой –нибудь враг, взойдя в него, не наполнил брашном своего безстыднаго чрева. Поелику же безпокоились правители, безпокоился и народ; их тревожило желание иметь Пастыря; тревожили и губительные звери, кото-

рые, имея обезумленное сердце, и воплотившагося в человеческой утробе Бога представляли себе не имеющим ума: то многие, не веря моим страданиям, возопияли (и говорили явно, или держали в уме), что я по высокомерию презираю богобоязненный народ (но Богу известна моя скорбь); и многие также судили обо мне по ночным своим мечтаниям. Или любовь их, как живописец, представляла многое в прикрашенном виде; или Бог закрывал им глаза, приготавливая мне добрый конец, чтобы не сокрушить меня горестными для меня ожиданиями, послав мне худшую кончину жизни. Посему преклоняю выю под крепкую Твою руку, и иду узником. Пусть другие разбирают права; мне нет никакой пользы от того, что судят мою жизнь. Влеку меня теперь, Христос, куда Тебе угодно; я изнемог от скорбей, я сокрушен, как Пророк в китовом чреве. Тебе посвящаю остаток жизни.

Но умилосердись над человеком, который едва переводит дыхание. Для чего уязвляешь меня таким множеством скорбей? Не за одних добрых умер Ты, Боже! не для них одних пришел Ты на землю – какое неизреченное чудо! – пришел Бог человек, окропляющий кровию наши души и тела. Не я один очень худ; Ты вводил в славу многих и худых. В Твоих книгах прославлены три мытаря: Матфей великий, другой – повергший свои слезы во храме, и третий – Закхей; сопричти к ним и меня четвертым! Трое также разслабленных: один с одром (Матф. 9:1–8), другой при источнике (Иоан. 5:5–8), и третья – связанная духом (Лук. 13:11); сопричти к ним и меня четвертым! Три мертвеца снова увидели чрез Тебя свет, который Ты отверз им: дочь князя, сын вдовицы и полусогнивший во гробе Лазарь; сопричти к ним и меня четвертым! И теперь, о Благий, подай мне врачевства, утоляющая боли, и впоследствии даруй иметь вечную жизнь, и хвалиться Твоею славою. Был я вождем богомудрой паствы; а когда разрешусь от сея жизни, тогда, о Преблаженный, да сподобится иметь она лучшего Пастыря. А если будет иметь и подобнаго мне, то по крайней мере да имеет менее страждущаго: потому что неприлично бороться с злыми скорбями тому, кто должен быть целителем недугов в других.

О суетности и неверности жизни и об общем всем конце

Желал бы я стать или легкокрылым голубем, или ласточкой, чтобы бежать из человеческой жизни, или поселиться в какой –нибудь пустыне, и жить в одном убежище со зверями; потому что они вернее людей. Там желал бы я провести свою однодневную жизнь без слез, без страха наказаний и без забот; иметь одно преимущество перед зверями – ум, который ведаёт Божество и небожествен. Там среди спокойной жизни собирал бы я свет ко свету, или, взойдя на верх какого –нибудь высокаго столба, громогласно стал бы взывать живущим на земле:

Смертные человеки, порождение истекшей влаги, ничтожные вы, которые, живя смертию, надмеаетесь суетным! долго ли вам, оставаясь игралищем ложных и наяву представляющихся сновидений, и играя ими, блуждать на земле без цели? Смотри, восшедши умом своим выше всех, как взошел и я, потому что в меня Бог вложил великое ведение полезного и вредного; а выше всех, парит ум. Тот был свеж и силен, составлял славу друзей, высоко носил голову и имел хорошо снабженные гибкие члены. Тот была прекрасная утренняя заря, весенний цвет между мужчинами, и привлекал на себя взоры всех. Тот славен подвигами; тот по оружию Арей; тот превосходнейший борец со зверями на ристалище, и на горах мерял с ними славу. Тот заботился о пирах и роскошных ужинах; суша, море и воздух приносили дань его чреву. Но теперь он покрыт морщинами и дряхл; все отцвело; пришла старость, а красота отлетела; чрево отказалось служить; небольшая часть человека остается еще в живых, а гораздо большая сошла уже в могилу. Тот надмеается ученостию всякаго рода; тот высоко думает о пышных гробницах своего благородства, или о том, что и ему удалось вписать свою кровь в небольшие свитки; тот величается крепостию своих советов в городах, тем, что имя его у всякаго в устах; тот собрал безмерное богатство, и еще приращает его в уме; тот, сидя на высоком седалище, восхищается данными ему весами правосудия; тот в багряной одежде и с увяслым на челе, державствуя на земле, ни во что ставит самое небо, и хотя смертен, но напыщается не смертными надеждами. – Все это ныне; а чрез несколько времени – прах; рабы и скиптроносцы, наемники и гордящиеся богатством – все станут равны, для всех один мрак, одна обитель, и горделивым то одно преимущество, что громче над ними плач, пышнее их гробница, и дольше хранится на жалком камне надгробная надпись. Рано или поздно, но всякому смертному равный жребий. От всякаго останутся, наконец, только хрупкия, полуистлевшия кости и голый череп. Кончилась пышность; но и бедность не беспокоят уже труд, неизвестная болезнь, ненавист, сумасбродство, желание большего, неукротимая наглость. Все умерло, все заключилось, вместе с умершими, до того времени, пока не пойдет отсюда в след за воскресшими.

Видя все это, послушайтесь советов моих, дети (могу назвать вас детьми, потому что долее вас перевожу дыхание на земле)! Отринув весь мир, все мятущееся в мире, все, чем обольщает наземный царь – этот хищник чужой собственности, вредител и человекоубийца, то – есть богатство, славу, председательство, знатность рода, неверное счастье, убежим как можно скорее на небо, где окрест неизреченнаго Тройственнаго Света сияют многия красоты. А другие пусть падают там и здес, подобно шашкам, и находят удовольствие в падении шашек, или, густою тмою покрыв свои очи и держась за стену, идут друг за другом!

Плач о собственных своих бедствиях и молитва ко Христу о прекращении жизни

Любезная земля, и море, и отечественная и чужая сторона, и юность и седина на западе жизни, и крылатая речь – напрасный труд, и те речи, которые породил светлый дух, и города, и убежище мое – утесы, какие только обошел я, стараясь приблизиться к Божеству Христову! Почему я один шел скорбным путем, и здесь и там меня образ многотрудной жизни? Ни однажды не мог твердо установить на земле легкой стопы своей, но одни бедствия непрестанно препровождают меня к большим бедствиям? Ты научи меня, Премудрость, отчего на мне такое бремя? Отчего благочестивые в трудах, а погибающие не знают трудов? Наказание ли это за грех? Или угли, которыми очищается жизнь, как золото в горниле? Или меня, как Иова, вызывает на борьбу с собою злобный и завистливый враг, и Ты, как борца Своего, умастив меня наперед обильно елеем, выводишь обнаженным для великаго подвига, чтобы потом наградить и прославить подвижника? – Все это известно Тебе одному, Царь мой, Слово, потому что Ты управляешь целым миром по великим и сокровенным законам, из которых разве малый некоторый отблеск вполне доходит до нас, покрытых брением и имеющих близорукие глаза.

Но я утружден жизнью; едва перевожу дыхание на земле, уязвляемый множеством бедствий от врагов и от друзей, что и огорчает меня чрезмерно. Потому плачу и припадаю к Твоим коленам. Поддай мертвецу Твоему кончину жизни, поддай утружденному отдохновение, и возведи меня к легчайшей жизни, для которой терплю скорби, и перенес тысячи горестей; восхитив в ангельские лики, приближь путника к небесному чертогу, где слава единого великаго Бога, сияющего в трех Светах!

К себе самому в вопросах и ответах

Где крылатая речи? – В воздухе.

Где цвет моей юности? – Погиб.

Где слава? – Сокрылась в неизвестности.

Где крепость хорошо сложенных членов? – Сокрушена болезнью.

Где имение и богатство? – Иное взял Бог, а другое зависть передала в хищные руки злодеев.

А родители и священная двоица единокровных сошли в могилу. Оставалась у меня одна родина; но и оттуда изгнал злобный демон, воздвигнув против меня черные волны. Теперь я одинокий странник, скитаюсь на чужой стороне, влача скорбную жизнь и дряхлую старость; не имею у себя ни престола, ни града, ни чад, хотя обременен заботами о чадах, и непрестанно скитаюсь, день за днем провожу на ногах.

Где сброшу с себя это тело? Где встречу свой конец? Какая земля, какая страннолюбивая могила укроет меня в себе? Кто положит перст на мои померкающие очи? Благочестивый ли и друг Христов, или один из зловерных? – Конечно, все это носит ветер, и одного малодушного может озабочивать мысль: гробу ли предадут мою плоть – это бездыханное бремя, или останется она непогребенною в добычу хищным зверям, или безстыдным псам, или птицам, или, если угодно Тебе, обращена будет в пепел, развеяна по воздуху, или без гроба брошена на высоких утесах, или сгниет даже в реках и под шумящими дождями. Ибо не останусь я один в безизвестности, не останется мой один прах несовокупимым, как должно; хотя для многих лучше было бы, чтобы прах их не совокуплялся. Напротив того, последний день, по Божию мановению, соберет всех вместе от концов земли, хотя бы кто обращен был в пепел и лишился членов в болезни.

Одно извлекает у меня слезы и приводит в страх, – это и вознаграждение за все заботы!

Христе Царю! Ты – мое отечество, моя крепость, мое блаженство, мое все! О, если бы в Тебе обрести мне успокоение жизни и вознаграждение за все заботы!

Молитва ко Христу

Умер я для сей бедственной жизни, которая, на подобие Еврипа, носится туда и сюда, не имея ничего и на один даже день постоянного. Желая же жить тою долгою жизнью, которая назначена в награду хорошо подвизавшимся. Кому любезна здешняя жизнь, те и увеселяйтесь ею; я с радостию узрю Владыку. Осмелюсь сказать Тебе нечто, Блаженный! Это тело, Тобою данное, творение руки Твоей, повергаю пред Тобою, как изнуренное, ослабленное, возмердевшее. Вот оно распростерто; воззри! я изнемог. Прийди ко мне ныне, простри мне руку, прекрати жизнь мою, пока не встретил меня какой –нибудь худший конец. Для чего еще нужны злострадания и очищения? Погиб, погиб я среди бедствий; но гибну ради Тебя. Ты – мой Бог; Ты рассеиваешь мрак злостраданий.

Сон о храме Анастасии, который Св. Григорием устроен был в Константинополе

Сладким покоился я сном, и ночное видение представило мне Анастасию, к которой в продолжение дня стремились мои мысли. Она первая высокое слово, остававшееся дотолу у подножия горы, возвела на самую ея вершину. Потому и наименование Анастасии получил сей храм, произведение моей неленостно потрудившейся руки.

Мне представлялось, что сижу на высоком престоле, однако же не с поднятыми высоко бровями; нет, и во сне не служил я никогда гордости. По обе стороны ниже меня сидели старцы ², вожди стада, отличающиеся возрастом. В пресветлых одеждах предстояли служители ³, как образы ангельской светозарности. Из народа же, одни как пчелы, жались к решетке, и каждый усиливался подойти ближе; другие теснились в священных преддвериях, равно поспешая и слухом и ногами; а иных препровождали еще к слышанию слов моих пестрыя торжища и звучащая под ногами улицы. Чистыя девы, вместе с благонравными женами, с высоких крыш преклоняли благочинный слух.

И то еще присоединилось к обаяниям ночи. Народ, желающий слышать слово мое, стоял, разделившись на части. Одни требовали слова низкаго и доступнаго разумению; потому что не хотели и не навывкли простирать мысль горе. Другие желали речи возвышенной и витиеватой; и таковы были старавшиеся глубоко исследовать ту и другую мудрость, – и нашу, и чуждую нам. О обеих сторон слышны были восклицания, которыми выражались противоположныя желания слушателей. Но из уст моих изливалась единачтимая Троица, сияющая тремя явленными нам Красотами. Я низлагал противников звучным голосом, потоками пламенеющаго духа, порывами речи. Одни приходили в восторг и хвалили; другие стояли в безмолвном изумлении; иные издавали еще какие – то гласы, а некоторые возражали только мысленно, потому что прекословие, прежде нежели разрешалось словом, замирало в самых болезнях рождения; а иные, как волны, воздвигаемыя ветрами, вступали в открытую борьбу. Но доброе речие услаждало всех, и красноречивых и сведущих в священном слове благочестия, и наших, и пришлых, и даже тех, которые весьма далеки от нашего двора, будучи жалкими читателями безсильных идолов. Как теплыми лучами очерненная винограда не совсем уже незрела, но начинает понемногу умягчаться, и не совсем зрела, но отчасти черна, отчасти румяна, по местам уже зарделась, а по местам наполнена кислым соком: так и они различались зрелостию повреждения, и я восхищался уже необходимостью обширнейших точил.

Таково было мое видение; но голос петелей похитил у меня с веждей сон, а с ним и Анастасию. Несколько времени носился еще передо мною призрак призрака, но и тот, постепенно ветшая, скрывался в сердце; оставались же при мне одна скорбь и бездейственная старость. О Тебе скорблю, моя Троица! о вас сокрушаюсь, дети мои! Что ты сделала со мною, зависть? Многое ты отняла у меня; не подави еще чем – либо худшим мою безвестную жизнь.

Много изящных произведений зодчества в царственном городе, которыми гордится он; но преимущественно пред прочими может похвалиться небесными храмами, храмами некогда моими, а теперь для меня чуждыми, в числе же других и великолепным храмом Апостолов, который крестообразными стенами отсекается на четыре части. Впрочем, все сии храмы не возбуждают во мне столько сожаления и скорби, сколько Анастасия – новый Вифлеем.

Много, правда, потерпел я напастей на море и на суше от врагов и от друзей, от пастырей и от волков, от мучительной болезни и от старости, которая делает меня согбенным; но нико-

---

² Пресвитеры.

³ Диаконы.

гда прежде сего не постигала меня такая скорбь. Не плакал так о великом храме порабощенный Ассириянами народ, когда веден был далеко от отечества; не плакали так Израильтяне о Кивоте, который взят был иноплеменниками; не рыдал так и прежде них Иаков о похищении любимого сына; не сокрушается так и косматый лев об убитых ловцами детищах, и пастух о потерянном стаде, и птица о невольном покинутом гнезде на гостеприимном дереве, и полип об оставляемом им ложе; как я доньше сетую о новоустроенном храме, об этом плоде моих трудов, которым пользуется другой.

Если когда –нибудь сердце мое забудет о тебе, Анастасия, или язык мой произнесет что –нибудь прежде твоего имени; то да забудет меня Христос! Как часто и без великих жертв и без трапезы, очищал я людей, собранных у Анастасии, сам пребывая вдаль, внутрь сердца создав невещественный храм и возлияв слезы на божественныя видения! Никогда не забуду, если бы и захотел, не могу забыть вашей любви, девственники, песнопевцы, лики своих и пришлых, восхищающие попеременным пением, вдовицы, сироты, не имеющие пристанища, немощные, взирающие на мои руки, как на руки Божию, и сладостныя обители, препитывающия в себе старость!

А если и у вас сохранилась еще память обо мне многострадальном; то благодарение Троице! Ибо у многих сердце увлекается потоком обстоятельств, и у легкомысленных стыд только на глазах. Одного только желаю, досточтимая Троица, чтобы Божество Твое навсегда пребывало незабвенным в душах новонасажденных.

Примите мой прощальный привет, Цари, помогавшие мне в моих страданиях! Примите Восток и Запад, борющиеся между собой! Примите иереи, возстающие друг против друга! Прими и ты, председательствующая гордыня! Прими и ты, великий город! А я выше земных престолов, и если желаю славы, то единственно славы бессмертной.

Но спаси, спаси меня, возлюбленная Троица! напоследок и я увижу, где престол чистой Анастасии.

Таков плач Григория, воздыхающего об Анастасии, с которою разлучила меня некогда безсильная зависть.

Увещательное послание к Геллению, о монахах

Спрашиваешь о силе моих речей, которые уже не существуют с тех пор, как немощевую для мира, подъял на себя сладостное бремя – спасший меня Крест, и все человеческое обменял на Христа. А какие еще есть у меня речи, оне не слишком мягки и лестны (ибо такие речи не угодны совершеннейшему Слову). В них говорится не о роде, не о счастии, которое надмевает неразумных, не о пламенной силе красноречия, – этой великой славе твоей и твоего брата, не о том, как города управляются кормилом могучей вашей руки. Такие предметы пусть будут предоставлены словам суетным. А что до моих речей, в них не найдешь и малаго угождения друзьям, но встретишь благочестивые советы, которые сделают тебя лучшим; имей только благопокорное ухо. Или, может быть, ты воздашь словам моим лучшую награду, оказав свое благоволение большему числу людей, а не десяти нуждающимся, о которых ты, добрый мой, вчера дал мне свое обещание и согласие, как человек не малый, оказывающий малому великую милость. Но прими во внимание те слова мои, которые изреку тебе из глубины сердца, заимствовав из небесных книг.

Иные золото и серебро, а иные тонкия шелковыя ткани приносят в дар Богу, а иной сам себя вознес в непорочную жертву Христу, иной же возливает чистыя капли слез. Но от тебя да будет Христу следующий дар. Есть Божии служители; им даруй полную свободу, им, которые, спокойным умом, совершенными душами, многих других возводят горе и делают таинниками небеснаго. Даруй свободу всем Христоносцам, которые стоят превыше земли, не связаны узами супружества, едва касаются мира, и день и ночь своими песнопениями славословят Царя, чуждаются земных стяжаний, какими князь мира оболыщает жалких земнородных, издеваясь над ними тем, что отдает дары сии то тому, то другому. Даруй свободу тем, которые имеют одно высшее богатство – надежду получить негибнущее и не переходящее из рук в руки. Они не имеют нужды в ребре, которое бы любило плоть свою, не опираются на юную руку, то есть на детей, не полагают надежды на единокровных и на товарищей, на кровь и на прах, который на утро погибнет; они в городах и обществах не гордятся самонадеянною крепостию, похожею на крепость безсильнаго ветра, не гоняются за быстролетною человеческою славою – этим услаждением сновидца: но к Богу возводят всецелый ум, к божественному твердому камени привязывают корабль свой. Они – таинники сокровенной жизни Христа Царя, и когда она явится, возблистают славою, созерцая чистое сияние Троицы, во едино сходящейся и открывающейся очам непорочным, созерцая и великую славу небеснаго воинства, не в темных обликах и не в немногих следах истины. Но сие будет в последствии; по крайней мере все здешнее есть ничего не стоящий дым и прах для тех, которые предпочли небесную жизнь.

Одни из них услаждаются пустынными пещерами и везде готовыми на голой земле ложами, ненавидят же дома, бегают городского многолюдства, любят покой, сродный небесной мудрости; другие изнуряют себя железными веригами, и истончевая персть, истончевают вместе грех; а иные, заключаясь в тесных домах, подобно зверям, не встречали и лица человеческого. Часто, подражая в половину Христову терпению, по двадцати дней и ночей проводят они без пищи. Похваюсь: в числе их была овца и моего стада – некто ушедший из сего малаго города. А некто связал молчанием говорливый язык и уста, единым же умом возносил хвалу великому Уму.

Был и такой, что целые годы, стоя в священном храме, распростирал чистыя руки; и веждей его не касался сон, но как одушевленный камень (невероятное самозабвение!) он водружен был во Христе. Другому сосед ворон уделял остатки скудной трапезы, и обоим доставало одного куска хлеба. А некто востек отсюда на божественную гору ко Христу, с которой он, по совершении страдания, оставил человеков, и там, не развлекаемый ни словом, ни умом, ни телом, стоял под снегом и ветром, и не уступал прошениям собравшихся вокруг него благоче-

стивых мужей, но, воспрянув умом своим от земли и став выше людей, крепко держался великаго Христа Царя, пока не соградил новаго дома себе бездыханному, когда для погребения не нашлось попечительной руки.

Ах! Дошло до меня страшное слово, будто бы у монахов верных по имени и по жизни, которых многие знают, не многие же унижают за горячность, превышающую требования благо-разумнаго благочестия, – будто бы у таковых монахов установлен следующий закон. Если придет к ним кто – нибудь из мужей благоговейных, не знающий нашего устава; то радушно принимают его в своих обителях, оказывая ему все виды дружбы, и сердце его восторгают Божиим словом, которое начертал Дух, а между тем предлагают ему светлую трапезу. Потом выходит кто – нибудь на – среду, напоминает о суровом уставе и (скрытными выражениями вызывая на жестокое слово) предлагает такой вопрос: хорошо ли благочестивому приять смерть ради Бога? И если пришедший по неразумению похвалит такую кончину; он продолжает: свидетели истины охотно умирают многими родами смертей сами от своей руки, то не удовлетворяя нуждам чрева, то с гор низвергаясь в глубины и приемля удушение. Так с радостью преселяются они от здешней брани и многоплачевной жизни! – Царь мой Христос! умилосердись над умами, которые верны, но безразсудны, как победоносный конь, далеко несущийся за цель, потому что он вверился быстроте своих ног, и не сдерживается уздою!

Всякому приятно стремление к одной какой – нибудь добродетели. По причине множества обителей много и способов приобретать их. Но к чему описывать мне подробно? Они шествуют тесным путем, которым идут здесь немногие из людей; они входят скорбными вратами, куда со многими трудами вступают добрые. Таково достояние Христова, такой плод Своих страданий Христос приносит от земли Отцу! Это опора слова, слава людей, основание мира, уподобляющееся небесным лепотам! Их род и для меня светносен. Пусть зависть выплачет себе глаза! Тебя же прошу иметь к ним доброе расположение.

Во – первых, полюби кроткаго Кледония, который живет для бедных и в дар Христу принес все, но прежде всего – самого себя, а потом уже и то, что приобрел, – принес, ничего не оставив для земной жизни. Это жемчужина между дорогими камнями; это утренняя звезда между звездами; это весна между временами года; это роза между растениями. Украшаясь некогда славою при дворе царя земного, он еще большую славу имеет в нашей ограде, потому что предстоит Царю Христу.

Полюби Евлалия, который многим превосходит сверстников своих. Его, как бы лишенаго своей половины, оставил великий и могучий брат Елладий, отлетев в тот лик, в котором желал быть; сам же он остался здесь один, ничего уже не находя лучше своего Елладия, и имеет попечение о матери, которая удручена тяжкою болезнию и едва сохраняет в себе несколько росинок жизни. Но изобразить эту женщину – потребовалось бы обширное слово; довольно сказать коротко: она мать Елладия и Евлалия.

Не тебе дал Бог Картерия; но и его сделаешь своим другом, чрез благорасположение к товарищам, и этого, говорю, Картерия, котораго ждет великая слава на небесах, потому что духом всегда он возвышен над плотию.

Будь снисходителен и к великому Никомиду, если только услышишь о нем. Он смертную жизнь посвятил небесной, поревновал о древней жертве великаго Отца Авраама, освятив Богу двоих чад, добровольно поспешающих на священное жертвоприношение, и супружество сделал добрым, и постарался о венцах, как супружеской, так и безбрачной жизни, не земле предоставил перстныя свои отрасли, но чтобы, отрешившись от сея жизни, всецело перейти в горную землю, свой класс (этот плод отличнейший в кругу мужей и жен, то есть любезнаго сына в кругу мужей, и дочь в кругу жен) вписал в наши лики. И я надеюсь, что сии зеленющие ветви благовоннаго древа будут достойны небесных светил. А если оне превзойдут и самых родителей; то и сим будут обязаны родителям же. Но предоставим сие руке державнаго Бога, Который великим надеждам полагает великий конец. Теперь же отец посреди своих чад

подобен быстролетному орлу, который, летая подле птенцов, управляет полетом недавно оперившихся, чтобы они на несмелых еще крыльях пускались за ним по воздушным зыбям. Так и он преподает детям многие уроки благочестия. Но не находит ничего полезнее своей добродетели. Он посвятил детей Божью слову и божественной жизни, с молодых ногтей назидая в них доброе, и приготовил им величайшее наследство – священную нищету, чтобы не иметь им недостатка и в этом орудии, способствующем успешному шествию. Таков Никомид – моя слава, слава моего стада, близкий мне по крови!

Не в числе последних и Феогний. Стоя на земле, касается он небесных престолов; он ласков, сладкоречив; на цветущем лице его всегда видно сияние благорасположенного духа. Он никогда не подражает женщинам и не налагает на себя ложных прикрас добродетели, которые уменьшают ее красоту, но внутрь сердца блюдет богоугодный страх, и он явен единому Всеведцу сокровенного. Хотя на поприще добродетели вступил он позднее других, но, по быстроте ног своих (что весьма чудно), много опередил вступивших прежде него. Как же скоро вкусил мудрости сам; указал и милым детям лучший жребий. И восходя по той лестнице, какую праотец наш Иаков, сын Исааков, видел утвержденною от земли на небо, восходя для того, чтобы увидеть самого Бога, высочайший источник небесных светов, одну из ступеней он уже прошел, на другой опирается своими стопами, а третьей касается рукою, взорами же простирается далее. Таков путь для людей, и так кровь свою возводит у меня ко Христу благородный родитель!

Много дорогих сокровищ сокрыто в душе у Евандра; его сердце убеленнее седовласой главы.

Кто же из здравомыслящих забудет об Астерии или о братьях его – этой священной троице? У них общая мудрость, их общая жизнь совокупила во едино, и, при единой надежде, разделяет их только плоть.

Умолчу о Филадельфе – моем сердце, об этой благородной крови Макровия, который, из всех овец моего стада, есть собственно моя овца; о моем друге, которого благосердый Христос обемлет великими крылами, которого не надмевает гордость, овладевающая всеми.

Умолчу о высокошественном Ригине, о Леонтии, об Илиодоре, которые обладают высоким даром Христовой мудрости.

Умолчу о других – светлых звездах между мужами простого нрава, даже неизвестных многим из миролюбцев, о сих досточестных членах Христовых. Ибо кто исчислит сии печати Безсмертного, сии плотоносныя красоты?

Все они – служители всемогущаго Бога, и каждый из них совершен на особом пути благочестия. Легкими стопами попирают они землю; это прекрасныя овцы, принадлежащая к десной стороне; это камни великаго храма, и Христос связует их между собою вселюбезным согласиём духа. С малыми искрами жизни в скудости проводят они настоящую жизнь, немного уступают виновнику зла – чреву, усмиряют в себе жестокий мятеж страстей – эти черныя волны, воздвигаемая велиаром; полагают мерилу слову и меру молчанию, держат в узде и смех, и слух, и неподвижныя очи. Без обуви, с нечесанными волосами, с слезами на глазах, имея у себя один хитон, эти земныя мертвецы живут мыслию в горнем, непрестанно имеют пред взорами великую Божию славу и тамошнее ликостояние душ благочестивых.

Ты почтил и девственных жен, которыя Женихом своим именуют Царя, вступающаго в общение с сердцами чистейшими, и которыя ожидают Христа недремленными очами, возжегши неизсыхающие светильники; ты почтил, говорю, их, когда узнал это мое украшение, это самое светлое око моего стада; почтил, если только почтил хотя одну из них. Ибо это общая милость для всех добрых, если кто – нибудь один из них видит оказанное себе добро; таков закон дружбы, по которому все делается для них общим достоянием!

Подлинно, и в этих женах великий ум; потому что оне с мужественным духом изринули из сердца обольстительную Еву. Да, и у них вокруг тела безопасное ограждение – вретисце, а

ложем на земле – прах; и у них есть врачевства целомудрия, молитвы, любезныя воздыхания, бессонныя ночи, источники слез источаемых внутренно. Ожестели у них колена, забыта ими немощь; потому что оне держатся за укрепляющия воскрилия Христовых риз. А нежность плоти и блестящая одежды, и эта весенняя, скоро увядающая красота, и естественная и та наружная, которую мужчины своими руками наводят на лица похотливыя, – все это изгнано у них из сердца. И немного будет сказать, что жены сии, силою ума, и в теле и в мудрости сравнялись с мужами.

Ибо и Христа, Который с звездного неба явился на земле в человеческой плоти и стал сыном человеческим чрез непорочную Матерь – Деву, чтобы пречистым Своим рождением исполнить закон человечества, когда возстал он в третий день из гроба, жены первыя увидели, по причине пламенного своего желания, и возвестили возлюбленным соученикам, вкусив Христова вкушения в уврачевание прежнего. И по всей земле, куда только проникло спасительное учение, найдешь многих жен, которыя, или, составив из себя общества, питают в сердце общую любовь к небесной жизни и водятся одинаковыми правилами, или остаются при своих немощных родителях и братьях, и их имеют свидетелями своего целомудрия.

Немного таких жен у меня; однако же поспорю со многими, восхищаемый небесными красотами Христовыми. Баснословие усыпало дома лидийцев золотым песком и дало им реку, которая приносила дары счастья; а чернокожим индусам златоносные муравьи носили богатство, собирая его в песке. Нил, наводняя благовременно плодоносныя равнины, делал могущественным Египет. Один любитя птицами, другой деревьями, а иной камнями приятно блестящими изнутри. Но мне Царь Христос даровал украшение, которое всех превосходнее, – это венец из многих благочестивых. Несомненно то, что Бог малым всегда дарует благодать, как уверяет древнее обетование. Вифлеем стал между первыми городами; и моему малому граду дано быть новым Вифлеемом. Тот славен был рождением Христовым; а мой славен Христовыми друзьями.

Такой в моей стране возсиявает пред тобою новый сонм, подобный тому, какой произвела Армения – ваше отечество, страна, украшающаяся добрыми сынами, как многим превосходящая другия страны, так особенно славная тем, что в ней много не познавших уз супружества! Оказав милость им, окажешь, превосходнейший, и мне малую милость, гораздо же большую себе самому; приобретешь себе, детям и жене величайшее богатство – надежду светоноснейшей жизни. Если же ты, самый снисходительный из всех моих товарищей, памятуешь сколько – нибудь и о моей старинной дружбе (я никак не поставлю своего имени наряду с именами мужей благочестивых); то не обезчести меня (что не свойственно дружбе), но окажи милость и честь моим товарищам. И я имею некоторое значение для многих. А если бы и не для многих имел; то тебе, счастливец, преимущественно пред всеми надлежит уважать нашу дружбу.

Этим сделаешь угождение всем друзьям, и их порадует честь, сделанная преподобным. Особенно угодишь Василию, котораго по преимуществу почтил Христос, и который, как посредник, соединяет между собою отдаленных друзей, и гораздо крепче связывает их общею любовью. А угождать ему – требует от тебя самая справедливость, уважение к отечеству, к дружбе, к товариществу по учению, к чистым жертвам, к окриляющей жизни. Ибо он, как второй по Аароне, стоя внутри скинии не для всех доступной и имея пред очами царящего в горних Бога, своими молитвами приводит в общение смертных с Безсмертным. Но что сделаешь для меня, то будет даром для Василия; а принесенное в дар ему принесется самому Христу; приносимое же Христу приносится Отцу.

Умоляю тебя о душах и о небесной жизни, умоляю о членах, истончаемых духом. Окажи милость к дневным трудам, к ночным песнопениям, к возлежанию на голой земле, к слезам, к ветхим рубищам, к истомленным очам, к чистому уму, к священным словам. Почтив добродетель, ты расширишь для многих путь к добродетели, и получишь большую мзду от

Бога, посеешь здесь постоянное и соберешь нетленный, пренебесный плод, вместо скудного – богатый.

Уважь богоподобную седину моего отца, который тем и другим, и многочисленностию лет и честностию нравов, наполнит для людей целую досточудную историю.

Скажу тебе, сын мой, по немощи сил моих, последнее слово. Пощади паству нашу, пощади паству, за которую я трепещу; потому что много понес за нее трудов, и Бог поручил мне ее пасти многие десятки лет. Тебе же дарует Бог все, что дает Он благочестивым, но сверх прочаго и то, чтобы сретить тебе прекрасную старость, какова старость моего богомудраго отца.

Но изреку благое слово от нашего Писания. Меры Божии уравниваются с нашими мерами; какими здесь меряем друг другу, такими и великий Бог воздает людям. Но да возмерит Он тебе лучшим за лучшее, как ныне, так и в последний день! Ныне для всякого человека полагается или худое или доброе основание кратковременной жизни, и на малых весах колеблется, перевешиваемое на ту и на другую сторону, великое стяжание жизни небесной.

И Христос принял на Себя человечество при наложении подати, когда Кесарь делал перепись целой земли. Сам Бог дал смертному дань, чтобы даровать смертным облегчение от рабства. Почти благодать Христову, и пощади людей. Почти, и ведя добрую перепись, сам записан будешь в добрую небесную книгу. А если будешь вести не добрую перепись... но пусть выговорит сие другой, а я скажу по крайней мере то, что лучше вести перепись праведную.

Ужели не довольно того, что тяжкое иго наложено на смертных первым грехом прародителя, и человекоубийственным древом, и завистию змия, и преступлением жены, и гибельным вкушением противоборственного знания, которое соделало меня смертным, и тотчас, низложив меня в землю, из которой я сотворен, наполнило жизнь мою скорбями, заставило меня нести болезни и труды, оставаться нагбенным к широкому хребту земли под бременем напастей, – ужели не довольно сего, но брат – одна со мною персть, в одном со мною погруженный грехе, предает меня еще большим скорбям? Нет, это не позволительно, это несвойственно; больным гораздо лучше давать лекарство, а не новый труд.

Вот дар, который тебе, добрый мой, посылает наше со – братство, – это дар, неистребимый временем. А ты, украшение Армении, Геллений, которому поручено установить правильную меру податей в нашей стране, установи ее, при помощи непорочной руки великаго Бога, установи непорочно, и не покоряй превратнаго ума неправедной корысти. Если всякому будешь отвешивать верно, трепеща великаго Ока; то мы, хотя и малый город, пронесем имя твое, наилучший, не между одними обитателями Дио – Кесарии, и напишем на досках: «вот человек добродетельный; в нем не найдет для себя пищи и насмешник!»

На безмолвие во время поста

Умолкни, любезный язык; и ты, перо мое, пиши слова безмолвия, рассказывай глазам вещания сердца!

Когда, принося таинственную жертву человеческим страданиям Бога, чтобы и самому мне умереть для жизни, связал я плоть на сорок дней, по законам Христа Царя, так как исцеление дается телам очищенным: тогда, во – первых, привел в неколебимость ум, живя один вдали от всех, обложившись облаком сетования, собравшись весь в себя и неразвлекаемый мыслями, и потом, следуя правилам святых мужей, приложил дверь к устам. Причина сему та, чтобы, воздерживаясь от всякого слова, научиться соблюдать меру в словах.

Кто против многих подемлет разящее копьё, тот удобно умирят немногих. Кто издалека бросает верно в цель крылатая стрелы, у того на близком расстоянии никогда не пролетит стрела мимо цели. И корабль мореходный, который переплывал обширные моря, смело можно посылать в плавание не дальше от пристани. Кто одержит верх в малом, о том еще сомнительно, преуспее ли и в великом, хотя и сильно желает. Но кто производит великое, о том нет сомнения, что, если захочет, легко превзойдет других и в малом. Посему – то и я совершенно связал у себя силу слова, ибо надеялся, что после из уст моих уже не выльется лишнего слова.

Язык всего пагубнее для людей. – Это конь, всегда убегающий вперед, это – самое уготованное оружие. Иный все видит; но руки у него достают очень немногое, именно то, что под ногами, ноги же его не обходили целой земли. И убийце нужно бороться с трудом; прелюбодей трепещет своей бешеной страсти; вора всего страшнее день. И богатство обременительно; одним обладаю, а другое уже потерял; столько удерживаю у себя в руках, сколько можно удерживать жидкости горстью. Корабль, дальний путь, разбойники, насытый человек, который протирает жадные взоры на чужое достояние, – вот сколько противников у всякого златолюбца! И худым не без труда, не без труда и добрым. Но ничто не удерживало языка, скорого на слово, – ни человек, ни снег, ни поток, ни каменный утес. Стрелок уже близко; немилосердная стрела вложена уже в лук, и на раздвоенном ее конце в дугу изогнулась тетива; мысль спустила стрелу; она понеслась, и все низлагает – небесных и земных, живых и еще не родившихся, остерегающихся и неосторожных, добрых и злых, неприятелей и друзей, дальних и близких. Для этой стрелы везде цель; и кто мечет ее, тому первое место между мудрецами.

Много срамного излагает язык похотливых. Достойный смеха, чтобы ему возбудить в людях неудержимый смех, позволяет в себя метать, и сам мечет словами, безчестит образ Божий, и много сокровенного извергает в уши других, и часто по всем направлениям разсыпает клубящуюся пену бурного гнева; нередко же из злоумышляющего внутренне сердца выносит привет, и одно имеет в душе, а другое на устах, именно – ложь, ласковые слова и убийства. Кто исчислит все те огорчения, какия причиняет язык? Если захочет, без всякого труда, в одну минуту заставит враждовать дом с домом, город с городом, народ с властелином, царя с подданными, как искра, мгновенно воспламеняющая солому. Плывущих на одном корабле, сына, родителя, брата, друга, супругу, супруга, – всех удобно вооружает он одного против другого. Злаго делает добрым, а добраго, напротив того, погубит, и все это опять переиначит. Кто переможет слово? Язык мал; но ничто не имеет такого могущества. О если бы он тотчас омертвел у людей злых!

У всякого неразумного язык есть зло, но особенно может быть злом у таинников небесной жертвы. Я орган Божий, и в благозвучных песнопениях приношу славословие Царю, пред Которым все трепещет. Пою же не Трою, не счастливое плавание какого –нибудь корабля Арго, не свиную голову, не могучаго Иракла, не обширный круг земли, как он опоясан морями, не блеск камней, не пути небесных светил. Пою не неистовство страстей, не красоту юношей, в честь которых бряцала изнеженная лира древних. Нет, я воспеваю царствующаго в горних великаго

Бога, или же сияние пресветлой моей, во – едино сочетаваемой Троицы. Воспеваю высокие громогласные песни ангельских ликов, какия они, предстоя Богу, возглашают попеременно. Воспеваю стройность мира, еще более совершенную, нежели какова настоящая, – стройность, которой я ожидаю, потому что все поспешает к единому. Воспеваю нетленную славу Христовых страданий, которыми Христос обожил меня, срастворив человеческий образ с небесным. Воспеваю смешение, усматриваемое во мне; ибо я не какое – либо легко изъяснимое произведение; я – произведение, в котором смертный сопряжен с небесными. Воспеваю закон Божий, данный человеку, и все дела мира, также намерения и конец того и другого, чтобы ты одно соблюдал в сердце своем, а от другого бежал дальше прочь и трепетал грядущаго дня. Для всего этого язык мой должен быть как гусли.

Но остерегайтесь, иереи, чтобы он не прозвучал чего – нибудь нестройнаго. Буду хранить язык чистым и для чистых жертв, посредством которых великаго Царя привожу в общение с земнородными. И не чуждым языком, не оскверненным умом буду возсылать Чистому животворящую жертву. Один источник не дает сладкой и горькой струи. Пурпуровой одежде всего неприличнее грязь. Необычайный огонь погубил древле сынов жреца, которые прикасались к жертве нечисто. О священном же кивоте великаго Бога слышу, что он некогда и наклоненный к падению убил прикоснувшася. Сего – то я сильно трепещу и боюсь, чтобы не потерпеть мне чего – нибудь, нечисто прикоснувшись к чистой Троице.

О если бы непотребный и непостоянный ум, который мечется туда и сюда во многих суетных порывах, мог я, хотя цепною уздою, привести ближе к цели и удержать в сердце совершенно свободным от обольщения! Лучше же сказать, если он ближе будет к великославному Христу, то озарится лучами великаго Света. Да и теперь, будучи заключен внутрь, менее делает зла, хотя бы и стал несколько блуждать вдали от Бога. Когда пламень, или поток, огражден твердыми камнями; хотя клокочет внутри, но не губит частаго кустарника или нивы, и скрываясь в камнях, живет полумертвый. Но слово, как скоро сорвется с многозвучнаго языка, не удержиимо буйствует и не возвращается назад. Впрочем, если кривую ветвь, понемного разгибая руками, согнешь в противную сторону; то она, освободившись от насилия руки, делается прямою и не принимает на себя прежней кривизны. Так и я, приметив, что стремительность беглаго слова не знает ни веса, ни меры (тогда только была для меня и жизнь, когда было слово), изобрел наилучшее врачевство, совершенно удержал слово в высокоумном сердце, чтобы язык мой научился наблюдать, что ему можно говорить, и чего нельзя. Усвоив себе совершенное молчание, он усвоит доброе слово. Я лишил его всего, и он не будет презирать меры. Да обратится сие во всегдашний закон для неумеренных!

И то великое приобретение, если сдерживаешь слово готовое разразиться, когда со – вне ударяют в твое сердце. Укрощая слово, ты укрощаешь и волнение гнева; и хотя не без труда, однако укротишь его. Если не даешь свободы языку, когда он кичится и приходит в дикую ярость, но держишь его в узде, то отвратишь обиду. С покорением вождя покорится царь страстей, и ты отдохнешь от мучительнаго треволения.

Для всего этого нужно руководство великаго Царя Христа, но потом нужно и кормило нашего ума. Если не Христос у тебя правителем; то ни к чему не полезны и молчание твое и даже еще большее терпение. Если узкий исток озера, зажав руками, откроем опять, оно тотчас потечет. Напротив того, пресветлое слово повелевает тебе, добрый мой, начав с сего, удерживать ток всех зол.

Таковы, любезнейший, поучения моего безмолвия; так говорит тебе моя рука, выражающая мысли. Это – мое плавание; а ты поспешай к другому плаванью. Всякий носится своим направлением ветра.

Но если кому, или из врагов моих, или из доброжелателей, угодно слышать другую причину моего молчания; вот она.

Было время, когда имел я очень много твердости в нравах. Христос Царь вел меня на противника, а в сердце у меня была вера тверже адаманта; отовсюду ограждался я крепкими стенами, не оскверненный ум свой назидал Божиим словом, извлекая дух из священной буквы; а с тем вместе извергал из себя соленую горечь книг, читанных мною и прежде, эту красоту, блестящую накладными прикрасами, кипучую же плоть свою, пока цвела она юностию, изнурил многими и частыми трудами. Отнял у чрева наглость пресыщения и неразрывное с ним неистовство, утвердил око в веждах целомудрием, переселил гнев, связал члены, заградил смех. Все тогда покорилось Слову, все во мне умерло. Голая земля была у меня ложем; боль в боках, жесткая одежды служили пособием к бдению и извлекали у меня слезы; днем сгибал я свой хребет, и во всеобщих песнопениях стоял в прямом положении, не зная свойственной людям привязанности к удобствам жизни. Так было тогда; потому что кипела еще во мне плоть, которая обыкновенно усиливается остановить великий свет в небесном его восхождении. Сверг я с себя и тяжелое бремя земных стяжаний, чтобы, стряхнув всякую тяжесть, облегченному возноситься к Богу.

А теперь, когда постигла меня жестокая болезнь и изнурила старость, впал я в новое зло-страдание. У меня неукротимый и добrorечивый язык; он – то всегда предавал меня множеству напастей руками завистника. Я не делал нашествий ни на чьи престолы, никого не изгонял из отечественной страны, не строил козней, не поражал злоречием, ничего не делал противного закону наших жертв (сие известно Слову), не оскорблял ни Епископа, ни кого – либо другого; потому что негодую на всякаго народного вождя, о котором идет подобная молва (а таких вождей, к сокрушению моего сердца, полны ныне море и широкие пределы земли). Но мне повредило недоброе слово. Я не думал сего прежде, однако ж оно повредило; ибо возбудило ко мне зависть во всех друзьях.

А для того, чтобы попользоваться чем – нибудь от меня и тебе, зависть, умолкни, любезный язык, умолкни не надолго. Я не свяжу тебя навсегда; этого не получит от меня ненавистник слова.

Сказывают об одном Самосском царе ⁴, который во всем имел успех, что он, в угождение зависти, сам себе причинил огорчение, и любимое отцовское кольцо бросил в море. Но рыба, проглотившая его, попала в сеть; рыболов принес рыбу к царю, царь отдал служителю с кольцом, которое было в ея внутренности; и рыбу приняло в себя чрево, а кольцо получила рука. Удивительное дело! Царь хотел огорчения, но не нашел его.

Так и со мною. Зависть всегда смотрит на мое слово дикими глазами; потому избрал я для себя глубину молчания, и доселе подражаю Самосцу. Но не знаю ясно, что будет завтра, худый или добрый встретит меня конец.

Ты, Врачевство человеков, останови зависть, и освободив меня от жестоких языков, введи во светлость Свою, где бы я, величая Тебя с присноживущими светами, мог возглашать устами стройную песнь.

Прими же сии безгласныя вещания руки моей, чтобы был вещий памятник моего безмолвия.

---

⁴ Поликрат.

Песнь Христу после безмолвия в Пасху

Царь мой, Христос! поелику опять отдаю воздуху долго удерживаемое слово, то Тебя первого наименую устами. Пред Тобой изливаю из ума своего сие слово – сие (если позволено сказать так) непорочное приношение чистой жертвы.

Отчий свет, Слово великаго Ума; превосходнейший всякаго слова, вышний Свет всевышняго Света, Единородный, Образ безсмертнаго Отца и Печать Безначальнаго, Озаряющий вместе с великим Духом, Конец необъятнаго века, великославный, Податель блаженства, превознесенный, небесный, всемогущее Дыхание Ума, Правитель мира, Жизнеподатель, Зиждатель всего, что есть и будет, – Тебе все принадлежит, Ты связал мановением основания земли и все, что Тебе было угодно, несешь неуклонной стезею. По Твоему манию, Царь, высокошественное солнце, востекши на огнистый круг, затмевает собою звезды, как Ты затмевашь умы. По Твоему манию то живет, то исчезает попеременно, и опять является в полном свете око ночи – луна. По Твоему манию зодиакальный круг и этот размеренно кружащийся хоровод определяют меру годовых времен, неприметно между собою растворяемых. И неподвижныя и подвижныя, возвращающияся на прежний свой путь, звезды суть глагол Твоей Божественной мудрости. Твой свет – все те небесные умы, которые воспевают славу пренебесной Троицы. Твоя слава – человек, котораго поставил Ты здесь ангелом, песнословцем сияния Твоего, о безсмертный Свет и вновь родившийся для смертнаго, безплотная Высота, напоследок же, чтобы избавить от гибели смертных, Плотносец! Для Тебя живу, для Тебя говорю; я одушевленная пред Тобою жертва – единственное приношение, оставшееся у меня от всех моих стяжаний. Для Тебя связывал я свой язык; для Тебя разрешаю слово. Но молюсь, содейлай, чтобы то и другое было свято, чтобы я говорил, что прилично, а непозволительнаго и не помыслил; отринув грязь, источил маргарит, из песка извлек золото, из колючих тернов – розу, оставив солону, собрал с колосьев пшеницу.

Сии начатки ума моего принося Тебе, Христос, язык мой сложил первую песнь. В сей день великий Христос возван от мертвецев, к которым приложился. В сей день отразил Он жало смерти, сокрушил мрачные затворы унылаго ада, даровал свободу душам. В сей день, воспрянув из гроба, явился Он людям, для которых родился, умер и возбужден из мертвых, чтобы мы, возрожденные и избежавшие смерти, восхищены были с Тобою восходящим. В сей день светозарный и великий ангельский лик исполнился радости, воспевая победную песнь. В сей день и я, разрешив уста от молчания, вознес громкий глас, и вот стал я гусями, чтобы славословить Тебя. Уму разверз я внутренность ума и Слову – слово; а потом, если угодно, разверзу и великому Духу.

Мысли, писанные двестишиями

В Греческом мысли сии составляют акростих, именно из первых букв каждого стиха выходят следующие два стиха:

*Γνωμα Γρηγορίου δίστιχος ἐνεπίη
Ἐσλὸν ἄνθρωπα νέους, αἰ χάρις ἐξοδί.*

Все с себя сбрось, и тогда разрежь житейское море; но не пускайся в плавание как грузный корабль, который готов тотчас потонуть.

Помни непрестанно страшную смерть, как будто она у тебя перед глазами; и встретишь ее менее грозною.

Непрестанно созидай ум свой в храм Богу, чтобы внутри своего сердца имет невестественную опору – Царя.

Познай себя самого, из чего и каким сотворен ты, доблестный мой, – и чрез сие удобно достигнешь красоты Первообраза.

Тебя один день ведет к другому; и тот постоянно влается, кто сам в себе легок; но в сердце человека благоустроенного есть некончаемый день.

Кто полагается на преходящее и приходящее, тот вверяется потоку, который не стоит на одном месте.

Для меня равно худы – и негодная жизнь и негодное слово. Если имеешь одно, будешь иметь то и другое.

Нечистому приступать к жертвоприношению значит оскорблять Бога. Но еще более оскорбляет Его тот, кто чтит всякие останки мертвых.

На пути к совершенству никогда не останавливайся. Худо сходить непрестанно в глубину. И ты, который только выходишь из бездны греха, еще стоишь.

Тот зрячий слепец, кто не видит, сколько пагубен его грех. Уметь открывать следы зверя – признак острого зрения.

Если, имея нужду во враче своих немощей, скрываешь болезнь; то не спасешься от неисцельной гнилости.

Твое слово, мое дело. Кто сделал не доброе дело, тому сомнительный помощник – красноречие.

Пресыщение делает наглым, а я тебе, доблестный мой, желаю позаботиться о том, что вечно питаемую душу удерживает в должных пределах.

Желаю также, чтобы ты богател одним Богом, а целый мир почитал всегда наравне с паутинными тканями.

Блага настоящей жизни весьма чужды для человека; человеческая добродетель – вот что одно составляет жизнь.

Приступите, всем вопиет слово неживаго Советодавца – Бога, приступите немедленно к познанию пренебесной Троицы!

Вы, на кого в сей жизни наложил свои узы честный брак, приложите ума, как бы вам больше плодов внести в небесныя точила!

А вы, невесты девы, приившия в объятия свои Слово великаго Бога, старайтесь в дар Богу принести все!

Одинокая жизнь – всеозаряющий свет; но надобно устранить сердце от мира, и держать себя вдали от плотскаго.

Оскорбительно для веры – не в сердце ее иметь, но поставлять в каком –нибудь цвете. Краску не трудно смыть; а я люблю то, что проникло в глубину.

Не надобно иметь ни справедливости неумолимой, ни благоразумия, избирающего кривые пути. Лучше всего – во всем мера.

Умеряй свою смелость, иначе будет она дерзостью, а не мужеством. К признакам целомудрия принадлежит и некоторая веселость.

Прекрасно иметь ум, отверстый всегда для Божия слова; чрез сие приобретается ведение небесных законов.

Спешి стать совершенным; не угождай тем, кому всего лучше не угождать; тешить грех – самая безславная слава.

Добродетельному стыдно быть защитником порочных; это почти то же, что собственной ногою стать на стезю порока.

Золото испытывается в горниле, а добродетельный – в скорбях. Часто скорбь бывает легче состояния невредимости.

Легко отречется и великаго Бога, кто отрекся отца. И наставника в благочестии уважай, как отца.

Моль все поядает; и на гроб не оставляй своего достоинства; лучшая погребальная почестъ – доброе имя.

Щади своих ближних, особенно же мертвых, которые все оставили и не могут ничего тебе сделать.

Оставив весь мир и всякое здешнее бремя, направляй парус в небесную жизнь.

Непрестанно простирайся на дела более и более совершенныя, умудряемый Богом; паче же всего предметом твоих попечений да будет Троица.

Двустишия

За хорошим началом следует и прекрасный конец; справедливость сего показывают самые последствия дел.

Вот начало, которое приносит людям хороший конец, – свято трудись над очищением жизни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.